№ 48-49

ЦЕНА 10 ЦЕНТ.

ОРГАН

РУССКИХ АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ

МАЙ ИЮНЬ 1929 г.

« DIELO TROUDA » Journal Mensuel

Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу :

Mr G. Franssen (pour Dielo Trouda) 9, rue de l'Eperon, Paris VI[e]

5-ый год издания

НАСТУПЛЕНИЕ КАПИТАЛА

Постепенно, но уверенно идет наступление мирового капитала на труд. Нет той страны, где бы имущие классы не стремились максимально, при том самым наглым образом зажать трудящихся — зажать их политически и экономически. Если три-четыре года тому назад капиталистические государства только нащупывали почву для ликвидации своих послевоенных распрей (Локарно) и для установления единого фронта против трудящихся, то теперь этот фронт они уже считают установленным и открыли с него повсеместный огонь по рабочему классу.

Капитал стремится взять реванш за страх и унижение, котрые он пережил в героические дни русской и начавшейся, было, европейской революции. И не только взят реванш, но полностью установить свою диктатуру, при которой трудящиеся не только не могли бы нарушать «нормальный» ход жизни капиталистического общества, но не смели бы даже и пикнуть.

Страшный призрак русской революции по сию пору тревожит капиталистические классы Европы и Америки. Они прекрасно понимают, какая смертельная опасность повисла, было, над ними в 1917-1918 г.г., когда человечество корчилось на дымящихся развалинах созданной ими войны. Теперь эта опасность отдалилась. Рабочий класс Европы, благодаря предательству социалистов, упустил благоприятнейший момент для осуществления своего исторического дела—построения свободного трудового общества. Капиталисты получили щедрую передышку и широко ее использовали для нанесения сокрушительного удара рабочему классу и его революционной идеологии

Уже два-три года тому назад международный капитал подал знак к решительному наступлению на трудящихся. Закон английского правительства в 1927 г., направленный против синдикальных прав рабочего класса, являлся одним из первых гнусных актов этого наступления. Казнь американскими властями в том же 1927 г. анархистов Сакко и Ванцетти — вторым актом. Этот акт — казнь Сакко и Ванцетти — следует рассматривать прежде всего и главным образом, как организованный, расчитанный удар капитала по международной солидарности трудящихся. Потому то американские капиталисты оставались такими непреклонными перед протестом международного пролетариата, потому то государства всего капиталистического мира солидаризировались с этим актом, отрядив свои военные и полицейские силы на подавление протестов местного пролетариата.

В настоящее время то, что два-три года назад проводило английское консервативное правительство, стало заурядным фактом в каждой европейской стране: революционные профсоюзы местами совсем закрываются (Румыния), местами права их сводятся на нет; заработная плата рабочих урезывается до минимума. Достигается это одновременно путем удорожания жизни и обесценения труда. Рабочие во всех странах быстро теряют право голоса, право политических и даже профессиональных собраний. В каждой почти стране рабочие массами подвергаются арестам по простому постановлению полицейских комиссаров. От тех политических и профессиональных прав, которыми рабочие каждой страны владели 20 лет назад, не остается и следа.

Наиболее яркой иллюстрацией того зажима, в который наступающий капитал берет рабочий класс, могут служить первомайские события в ряде европейских государств. Еще за две-три недели до первого мая правительства этих государств издали предупреждения против первомайских демонстраций и празднеств рабочих. Местами празднества категорически воспрещались, местами воспрещались лишь массовые шествия и демонстрации. Но во всех случаях капиталистические классы, устами своей

полиции, бросили рабочему классу угрозу расправиться с ним в случае, если он по примеру прошлых лет решится справить традиционный праздник международной пролетарской солидарности.

В рабочем классе оказалось еще достаточно мужества, чтобы устоять перед угрозами своего классового врага. Всюду в день первого мая он побросал работу и вышел на улицу. И в этот день он, больше чем когда-либо, должен был убедиться в том, что его классовой враг горит к нему смертельной ненавистью, что все помыслы этого врага сосредоточены на стремлении убить его, унизить, поглумиться над ним, сделать его еще более бесправным, еще более зависимым от воли и милости капиталиста. Кто бы 10-15 лет тому назад мог допустить мысль, что за празднование международного пролетарского праздника первого мая рабочих будут тысячами арестовывать, разгонять вооруженной силой, расстреливатьвать из ружей и пулеметов? А вот в 1929 году это произошло в ряде европейских стран, тех стран, в которых рабочее движение имеет длинную вековую историю, в которых оно временами играло огромную политическую и культурную роль и моментами бывало решающей силой. Особенно трагически первомайские демонстрации закончились в Германии, в частности в Берлине. Там они приняли характер настоящего сражения, длившегося несколько дней, между вооруженными силами государства и революционными рабочими. В результате — несколько десятков рабочих убито, свыше 600 ранено и несколько тысяч арестовано. Арестованные и раненые рабочие были также в Будапеште, в Варшаве, в Австрии и др. местах.

Капиталистическая пресса всю эту гнусную расправу с манифестировавшими рабочими об'ясняет подготовлявшимися, якобы, коммунистами и анархистами восстаниями. Ложь этого об'яснения всем бьет в глаза. Наступательный характер поведения буржуазии сказался еще за долго до первого мая. При том наступление было поведено не на ту или иную партию, а именно на рабочий класс в целом, на его десятками лет борьбы и страданий освященные права. Капиталистическая пресса и пресмыкающаяся перед ней пресса социалистов может сколько угодно лгать о заговорах и восстаниях, — всякий рабочий прекрасно видит и сознает, что идет поход на кровные его права и что в день первого мая 1929 года поход буржуазии на рабочих достиг кульминационного пункта и звериных форм.

Урок этот не может пройти бесследно для рабочего класса! Он показывает, что рабочему классу нет спасения при существовании буржуазии; что буржуазия держит ставку на полное его обессиление, на полное его подчинение своей воле.

Благие теории буржуазии о «классовом мире», о «промышленном мире» и т. д. служат ей только средством усыпить рабочий класс, дабы лучше атаковать его, вернее разбить. Первого мая 1929 г. буржуазия практически показала истинный смысл этих теорий.

Первомайские события поучают рабочих и другому. Они показали, какими, в сущности, жалкими и презренными прихвостнями буржуазии являются все социалисты. В то время, как капитал, встав рабочему классу коленом на грудь, нагло заявил, что он ликвидирует праздник международной пролетарской солидарности, они с своей стороны стали приглашать рабочих не принимать участия в первомайских манифестациях, запрещенных полицией (воззвание английской «рабочей» партии, германской соц.-дем., союза социалистических синдикатов Германии и др.). Роль помощников буржуазии социалисты и на этот раз выполнили более, чем безупречно.

Наиболее гнусными и непрощаемыми преступлениями перед рабочим классом и на этот раз проявили себя германские социал-демократы. Там — в Германии — все начальство, от которого зависело воспрещение первомайских манифестаций и которое выработало зверский план подавления их, сплошь состояло из социал-демократов, начиная от общегерманского министра иностранных дел социал-демократа Северинга и кончая берлинским полицейпрезидентом, — социал-демократом Цергибелем. Этот последний, руководя юнкерскими бандами полицейских, залил улицы Берлина кровью манифестировавших рабочих, наложил десятки трупов героических пролетариев и через день-два представил по этому поводу отчет соц.-демократической партии, членом которой состоял. Отчет, в общем, был принят и одобрен партией.

Наконец, первомайские события дают еще один поучительный урок. Они показывают, сколь было бы опасно подчинить рабочее движение одному «верховному центру». Как известно, таким центром, при том диктаторски распоряжающимся силами рабочего класса, хотела бы быть компартия. Рабочее движение существует десятки лет, как таковое, и его сила в том, что оно имеет характер *всеобщности*, *массовости*, с чем бороться буржуазии не легко. Будучи подчинено одному диктаторскому центру, оно потеряет силу и волю класса и легко будет побито через разгром «верховного штаба».

Перед рабочим классом Европы и Америки стоит сейчас трудная задача сдержать бешеный натиск буржуазии, отстоять свои позиции на фронте политическом и экономическом и затем перейти в наступление. Ибо если он не пойдет в наступление, буржуазия пойдет на него. Вместе они существовать не могут. Буржуазия никогда более не будет терпеть около себя рабочий класс, думающий о социальных и политических правах. Она неизменно, во имя своего самосохранения, будет стремиться свести его на крайнюю степень физического и морального бессилия, дабы сидеть спокойно на своих золотых мешках. И это она будет делать путем постоянного экономического давления и отобрания у него политических и профессиональных прав. Такова перспектива ближайших лет. Или буржуазия, или пролетариат.

Нет никакого сомнения в том, что в ближайшее десятилетие европейский пролетариат даст генеральный бой буржуазии. Но чтобы этот бой не был проигран, чтобы он привел к победе и социальным завоеваниям, трудящиеся теперь же должны сказать свое решительное слово о целях этого боя и о его формах. Было бы катастрофой для них довериться какой либо новой власти, хотя и сверх революционной, и ждать от нее избавления. Лишь *непосредственная* борьба трудящихся и их боевых эко-

номических организаций, *во имя свободного самоуправляющегося общества производителей*, а не во имя новой власти, нового государства, приведет их к подлинной победе и реальному, а не фиктивному, освобождению от ига капитала и государства.

К РАБОЧИМ ВСЕХ СТРАН

Прошло уже 40 лет с того дня, когда интернациональный Социалистический Конгресс принял решение об'явить день 1 мая днем праздника мирового пролетариата, и это решение было принято в то время во всех странах рабочим населением с большим воодушевлением. Этот день должен был стать символом единых стремлений пролетариата во всех странах, стремлений к освобождению от гнета государства и ярма наемничества. Этот день должен был показать угнетателям, что только труд создал их могущество, и что коллективный отказ от работы должен стать орудием освобождения рабочего класса, рабство которого зиждется на нынешней системе продажи им своей рабочей силы, как товара. День первого мая должен был стать днем рабочей солидарности и прямого действия, предвестником приближающейся свободы и социальной справедливости, на основе социализма. На первомайском знамени было начертано первое конкретное требование организованного рабочего класса, требование восьмичасового рабочего дня.

Сорок лет прошло с тех пор, сорок лет наполненных борьбой и полных мирового масштаба потрясениями. Интернациональное рабочее движение за это время подпало под влияние буржуазно-парламентского политического ученья и постепенно забыло заветы первого Интернационала. Рабочих уверили, что именно это ученье ведет к социализму, на деле же рабочее движение было этой политикой крепко связано с капиталистическим миром, что является его составной частью. Без этой политики мировая война была бы немыслима.

Сегодня, пятнадцать лет после начала организованного самоистребления народов, после полного банкротства всех социал-демократических попыток послевоенного времени, рабочее движение находится в критическом положении, может быть в самом критическом за все время своего существоания. Капитализм вступил в новую фазу своего развития. Место частного капитала все более и более занимает капитал коллективный, национальных и интернациональных трестов и картелей. И вместе с частным капиталом исчезает и «свободная конкуренция» — это кредо старой буржуазии — чтобы уступить место экономической диктатуре. Капитал преодолевает национальные рамки, вырастает в мировой капитал. И с этой новой формой капиталистического развития начинается эксплоатация мира по единым признакам.

Рационализация работы, ныне распространяемая во всех странах, является только одной из внешних форм этой новой капиталистической эры, которая ведет к все увеличивающимся прибылям капитала, а положение рабочего класса делает все более невыносимым, его нужду и нищету все ужаснее. В то время, как каждый рабочий сейчас должен напряженнее работать, его материальное положение все ухудшается. Таким образом, рационализация при капиталистическом режиме означает изнурение рабочего класса, превращение его в живую машину, движущуюся в такт машины из стали и железа. Ближайшим последствием этой системы является неимоверное увеличение несчастных случаев и постоянная все растущая безработица рабочих классов.

Политическим последствием этой системы является поддержка реакции интернациональными капиталистами, симпатии этих последних к фашизму и диктатуре. Преследование профсоюзов в Англии, Дании, Италии, Португалии, Испании, Болгарии, Югославии, Турции и т. д., ясно указывают эти новые тенденции. В подготовке к новой эпохе индустриального федерализма, капитализм стремится всеми средствами покорить рабочих, отсюда и кризисы демократического парламентского строя, искания путей диктатуры и террора.

Никогда раньше рабочее движение не находилось в столь опасном положении. Никогда раньше не было так необходимо рабочим познать, что их интересы во всех странах одни и те же, и что так называемые национальные интересы составляют ничто иное, как интересы их угнетателей и эксплоататоров. Также, как рабочим необходимо освободиться от спеси «квалификации», заставляющей лучше оплаченные категории рабочих забывать, что большая часть их братьев стоит всегда на грани жесточайшей нищеты — таким же образом рабочим в странах, где труд лучше оплачивается, необходимо понять, что они сами себя ослабевают, когда остаются равнодушными к тем лишениям, к той эксплоатации, которым подвергаются капитализмом их братья в других странах. В таком положении вещей заинтересованы только угнетатели, ибо оно грозит увековечить раздоры рабочего класса в разных странах и сделать невозможным его полное освобождение.

Рабочие должны также понять, что интересы рабочего класса резко противоречат интересам капиталистического государства, и задача нынешнего дня заключается в том, чтобы организованному капитализму противопоставить силу организованного интернационального пролетариата. Эта идея, которую формулировал еще первый интернационал, должна, наконец, стать действительностью.

Интернациональное об'единение капитала ведет к тому, что и у пролетариата различных стран создается одинаковое положение, а это ведет к формулированию требований годных для всех стран и находящихся в тесной связи с конечной целью всего интернационального рабочего движения.

Исходя из этого положения, мы обращаемся к нашим товарищам во всех странах с призывом начать усиленную кампанию среди рабочих за следующие требования:

1) Завоевание шестичасового рабочего дня, как средство спасения рабочего класса от гибельных последствий капиталистической рационализации на тело и дух рабочего, а также как средство против массовой безработицы.

2) Контроль рабочих организаций на фабриках и на

заводах, чтобы иметь возможность решать вопросы рабочего времени и платы в зависимости от развития методов производства. Рабочие должны понять, что предоставить одному предпринимателю право распоряжаться производством в то время, как они являются главнейшей частью этого производства, является бессмыслицей.

3) Борьба за единый жизненный уровень рабочего класса во всех странах, который гарантировал бы человеческое существование всем, реальной заработной платы, установленной на базе интернационального соглашения. Задачей рабочих организаций является защита прав каждого трудящегося на единую заработную плату, ибо это право является элементарнейшим правом каждого человека.

4) Борьба рабочего класса против грозящей опасности фашизма и новых войн.

Мы призываем наших товарищей во всех странах сделать лозунгами 1 мая эти требования, осуществление которых явится одним из шагов вперед к прекращению эксплоатации человека над человеком, шагом вперед на пути к социализму.

Да здравствует интернациональная солидарность рабочего класса! Да здравствует безвластный социализм!

Секретариат
Международного Товарищества Рабочих

КОРНИ СОВЕТСКОГО БЮРОКРАТИЗМА

Какими только лозунгами государственно - бюрократическая партия большевиков не удивляет рабочих. Одним из последних — это борьба с бюрократизмом советского государства. Бюрократизм этот так разросся, что те рабочие, которые находятся у станков и своими руками зарабатывают себе на жизнь, буквально тонут в море бумаг и всяческих «начальственных распоряжений», попадая в государственные канцелярии. Случаи, когда на самую ничтожную справку или заявление рабочим и крестьянам приходится тратить несколько дней, а то и недель времени, повсеместны. Рабочие дали хорошую оценку большевистскому государственному творчеству, назвав их канцелярии старым именем *заразы*. Лучше, пожалуй, и не назовешь. Органы государства везде, в том числе и у большевиков, у них еще более, играют в отношении трудящихся роль опасной заразы, раз'едающей организм рабочих классов морально и физически.

Как и всегда, большевики учитывают данное негодование рабочих и, чтобы не дать ему разростись, принимают «революционную» позу и об'являют войну бюрократизму. Советская пресса печатает постановления партии и ее призывы усилить борьбу с бюрократизмом, зовет на эту борьбу рабочих, вырабатывает тезисы, а бюрократический аппарат ее растет и растет. Иначе, конечо, и быть не может. Бюрократизм госаппарата тесно связан с партийной диктатурой в стране. Ведь партийная диктатура, т. е. диктатура нетрудовых элементов, есть ничто иное, как *диктатура бюрократии*. Как эту бюрократию ни подстригай, она будет расти непрерывно, ибо ее корни — само государство.

Рабочие фабрики «Красный Октябрь», как ни были забиты террором власти, все же, когда обсуждали тезисы бюрократа Яковлева (председателя инспекции) о борьбе с бюрократизмом, сделали правильное замечание: «Где гарантия, что вычищенные бюрократы не вернутся на службу?» Гарантий нет никаких, ибо вся эта чиновничья зараза необходима диктаторствующей партии, *на ней* держится госаппарат. Ее можно *перемещать*, но не удалять. «У нас завелся такой порядок, — заявила работница с той же фабрики и на том же собрании, — как забюрократился человек, так его с работы снимут и пошлют... в вуз (высшее учебное заведение) учиться. Пусть на фабрике учится, а не в вузе!...» («Пр.», 26 апр. 1929 г.).

Сколь реально, вернее издевательски, реагирует компартия на чудовищное зло бюрократизма, видно из передовой «Правды» от 14 апреля 1929 г., посвященной этому вопросу. В качестве борьбы с язвой бюрократизма передовик «Правды» предлагает.... «*проверку исполнения*». «Невыполнение наших законов, в ряде случаев грубейшее искажение линии партии и пролетарского государства по важнейшим вопросам, особенно в деревне, все еще имеет у нас место. Для борьбы с этим явлением необходимо взяться серьезно за постановку систематического массового контроля, проверки того, как проводятся в жизнь наши решения».

А только что закончившаяся 16-ая *Всесоюзная* Конференция ВКП постановила (извлекаем пару строк из пятиэтажной резолюции конференции): «Создать при *всех* городских советах и при всех сельских и волостных советах больших сел *секции* рабоче-крестьянской инспекции»... «Начать организацию *временных контрольных комиссий в учреждениях*»... «Главными задачами комиссий должны быть проверка исполнения советских законов и партийных директив» («Правда», 1 мая 1929 г.).

Выходит, что для того, чтобы бороться с пятиэтажной язвой большевистского бюрократизма, следует воздвигнуть шестой этаж этой язвы — сверхконтрольные комиссии, которые повсеместно проверяли бы, правильно ли проводятся в жизнь декреты и постановления государства и партии. Как будто тех контрольных комиссий, которыми набухли все советские учреждения, недостаточно!

Господа бюрократы из Ц. К. компартии до такой степени обжирели и обсиделись в своих креслах безраздельной и бесконтрольной диктатуры, что им даже и мысль не приходит в голову о том, что они-то и вся их паразитическая система партийной диктатуры и являются источниками и очагом всякого бюрократизма. Рыков, Сталин, Куйбышев, Молотов, Томский, Микоян и т. д. без конца, — разве они не являются сверхбюрократами в бюрократическом аппарате большевиков? Разве хоть один из них, в их настоящей паразитической роли бездельников и в то же время держиморд, представляет хоть какую-нибудь ценность для хозяйственного и общественного дела рабочих классов? Абсолютно никакой. Они шли в революцию с типично бюрократическими целями — взять власть и управлять революцией и трудящимися по своими методами. И эту бюрократию они 12 лет разводят в революционной, стране. На подлинный пролетарский труд, о котором они распинаются на собраниях и в газе-

тах, их не только калачем не заманишь, но не выгонишь и палкой. — «Дураков нет, — скажут они про себя, а в глаза рабочим начнут заливать о своем великом призвании, о своей великой миссии в деле освобождения пролетариата.

Они считают себя умными, но нельзя же без конца считать дураком весь рабочий класс. У последнего ведь тоже есть глаза и мозги. И рано ли, поздно ли, он даст *свою* оценку положения и вынесет *свое* решение, *как* бороться с бюрократизмом и *где* его искать.

В одном из номеров «Правды» (№ от 20 апр. 1929 г.) помещен демагогический рисунок: суровый рабочий, с засученными рукавами, с молотком в руке входит в одну из бесчисленных советских канцелярий, хватает там за ухо какого-то делопроизводителя и потрясает им в воздухе, как каким-то мышенком; под ногами болтающегося в воздухе делопроизводителя море всяческих бюрократических бумаг. Это типичная чиновничья картинка, которой власть имущие стараются внушить, что «стрелочник виноват».

Мы не сомневаемся в том, что если уж рабочий класс СССР настолько окрепнет, что своими руками начнет чистить государственный аппарат, то первое, что он сделает, это схватит за ухо не стрелочника, а всю головку компартии и поставит ее на надлежащее место. И сам начнет строить свою общественную и хозяйственную жизнь без всякой бюрократии, т. е. без всякого государства.

П. А.

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И РАБОЧИЕ

Рационализация промышленности, о которой так много говорят и пишут в последнее время, не является таким новым явлением, как обыкновенно принято думать. Об'ясняется это ошибочное мнение той удивительной быстротой, с которой рационализация проводится в наше время. Стремление организовать производство при наименьшей затрате сил и наибольшей выдаче (коефициент полезного действия) тесно связано с промышленностью вообще. Социализм также от существования этого принципа не отрекается, с той только разницей, что реализованная экономия человеческого труда пойдет в пользу всего общества, а не в пользу одного его меньшинства, как это происходит в настоящее время. Казалось бы, действительная цель рационализации состоит в использовании машин для тяжелых и неприятных работ и сбережении сил и времени в пользу общества. Но вот именно здесь и проявляется вся бессмысленность капиталистической эксплуатации труда. Развитие механического производства и улучшение способов труда хотя и способствовали громадным сбережениям в производительном процессе, но от этого положение трудящихся ничуть не облегчилось, а, наоборот — стало еще тяжелее.

Трудящиеся средневековых гильдий почти никогда больше 8-ми часов не работали. К тому они соблюдали большое количество церковных и светских праздников, которые в настоящее время и по одному названию едва известны.

Также общий жизненный уровень и особенно экономическая застрахованность трудящихся были на такой высоте, которой при настоящих условиях не встретить. Социальная нищета, подобно существующей в нашей капиталистической эпохе, была совершенно неизвестна.

Но это положение изменилось в корне с развитием коммерческого капитала торговцев, особенно, внешней торговли. Великие открытия конца 15-го века значительно содействовали этому развитию, положив основы всемирной торговли. Громадный ввоз благородных металлов из Америки ускорил развитие банковского дела в Европе и формирование современного государства.

Если старые города гильдий, по причинам своей социальной организации, стремились к экономическому равенству, то с развитием коммерческого капитала преобладание перешло к новому экономическому принципу, который нашел свое выражение в политике гегемонии больших государств 16, 17 и 18 столетий.

Чем больше процветала торговля, тем необходимее стало для промышленности, как можно выгоднее организовать производство. Таким образом, постепенно возникли, так называемые, мануфактуры, существовавшие уже в середине 16-го столетия. Вообще система мануфактуры, которая концентрирует на одном месте производства большее количество рабочих, чем мастерская ремесленника, сводится к обдуманной рационализации труда, благодаря разделению функций и усовершенствованию орудий производства. Таким образом, выдача (коэфициент полезного действия) промышленного производства значительно повысилась, что и отвечало нуждами торговли, но положение трудящихся значительно ухудшилось.

Уже в те времена заметно было стремление с увеличением производства уменьшить заработную плату трудящихся и удлинить их рабочий день. Почти во всех странах это стремление было достигнуто в кратчайшее время благодаря давлению законов. В Англии во время царствования королевы Елизаветы был издан закон, установивший 12-ти часовой рабочий день круглый год. Подобные законы были изданы и в других странах. Затем все вопросы, касающиеся заработной платы и продолжительности рабочего дня, разрешались специальными государственными учреждениями.

С изобретением механического ткацкого станка, чугуна, паровой машины и т. д. производство приняло новые формы. Новые изобретения содействовали рационализации способов производства, но результаты оказались и в данном случае те же самые: с одной стороны, все большая и большая производительность и небывалое накопление богатств в частных руках, с другой, ужасающая нищета начала капиталистической эпохи со всеми отталкивающими явлениями, ее сопровождающими. Как и во время мануфактуры выгоды рационализации выпали и в этот раз на долю только незначительного меньшинства об-

щества, в то время, как нищета и лишения трудящихся достигли еще более ужасающих размеров.

Развитие промышленности вошло в настоящее время в период равномерного развития во всех странах. Капитализм положил начало новой эпохи, уничтожая границы, так называемой, национальной промышленности и добиваясь системы всемирной промышленности, что, выражаясь другими словами, значит: эксплуатация труда в мировом масштабе и на однородных принципах. Капитал, раньше тесно связанный с национально-промышленными интересами, перешагнув национальные границы, разростается и сливается в мировой капитал. На место старого частного капитализма приходит современный коллективный капитализм со своими национальными и интернациональными трестами и картелями.

Если свободная конкуренция служила лозунгом для частного капитализма, и ее превосходство восхвалялось всеми экономистами, которые ее возводили в непоколебимый закон политической экономии, то, в настоящее время, эта устарелая форма капиталистического развития должна уступить место промышленной стратегии коллективного капитализма, который стремится устранить какое-либо соревнование и достичь единства цен. Если взаимная конкуренция частного капитализма определяла в нормальное время не слишком высокие цены продовольствия, то коллективный капитализм в состоянии устранить эту конкуренцию и, таким образом, диктовать потребителю цены продовольствия. «Laissez fair» частного капитализма все больше и больше уступает место экономической диктатуре коллективного капитализма.

Так называемая рационализация промышленности есть ничто иное, как продукт развития капитализма. Это развитие, начавшееся в Америке, быстро перешагнуло и в Европу. В Германии рационализация произвела в несколько лет полнейшую революцию во всех отраслях промышленности. Теперь на очереди рационализации французской промышленности. Другие страны следуют на большем или меньшем расстоянии. Должны следовать, если не хотят, чтобы их промышленность попала на задний план.

И в сей раз жертвой этой эволюции промышленности является рабочий. Рационализация значительно увеличила коэфициент полезного действия производства и выгоды капиталистов, в ущерб и за счет жизненного уровня рабочего класса. В современной индустрии рабочий сведен к значению машины из мяса и костей, чьи движения приурочены к ритму машин из стали и железа. Число несчастных случаев в новой системе производства возрастает изо дня в день; число безработных достигло небывалых размеров, а экономическое благополучие и застрахованность совсем исчезает у современных трудящихся.

Не может быть и речи о том, чтобы это развитие промышленности урегулировать или замедлить, так как у трудящихся при настоящих условиях никаких возможностей для этого не имеется. Но они должны раз навсегда понять общее положение и проникнуться мыслью, что изменение этого положения возможно только в интернациональном масштабе. Хотя много говорят о классовой солидарности рабочих, об их сознательной классовой политике, но все эти фразы в действительности и выеденного яйца не стоят. Классовая солидарность рабочих не проявляется в области их класса, а почти всегда в области национального государства, к которому они принадлежат. Их идеология по большей части носит на себе еще следы мировоззрения привиллегированных классов их страны. Стоит присмотреться к позиции американских рабочих в иммиграционной политике их страны, или к позиции английской рабочей партии по отношению к Индии, или, наконец, к позиции наибольшей части организованного пролетариата всех стран по отношению к Лиге Наций или к плану Дауса, чтобы в этом убедиться. Американское правительство приготовило законопроект, по которому ввозимые в Америку книги будут подвергаться такой пошлине, что в будущем более или менее значительный ввоз книг в Америку станет невозможен. И это происходит, по большей части, благодаря давлению соответствующих профсоюзов. Такие явления не только определяют экономические кризисы среди рабочих других стран, но и представляют собою преступление против культуры. Таким образом, рабочие организации становятся все более и более неот'емлемыми частями национальной государственной машины и содействуют, к сожалению, интересам своих поработителей. По большей части это происходит безсознательно, так как великая мысль Первого Интернационала, которая была жива в самых отдаленных слоях его приверженцев, совсем почти неизвестна рабочему классу нашего времени.

Хитростям и тонкостям капитализма рабочий класс должен противопоставить однородную экономическую политику всемирного пролетариата! Рабочие должны преследовать исключительно интересы трудящихся всех стран. В этом заключается единственная возможность пролетариата разрешить в свою пользу все вопросы дня и положить начало освобождению трудящихся от ярма власти и эксплоатации. Прежде всего рабочие должны воспротивиться гибельным последствиям рационализации, путем завоевания шести-часового рабочего дня и уровня существования, соответствующего требованиям человечности и культуры. Для достижения этой цели рабочие должны раз навсегда себе уяснить, что экономически мировое хозяйство представляет собою одно целое и что возможность пользования необходимым промышленным сырьем будет в равной мере предоставлена всем. Только такие принципы совместимы со стремлением к социализму и готовят последнему путь к победе. Чем глубже это сознание проникнет в трудящийся класс, тем скорее придет день его освобождения.

Только тогда трудящиеся освободятся от своих оков и построят общественный строй свободы и социальной справедливости для всех, когда их практические требования в борьбе за существование будут согласовываться с конечной целью их стремлений и будут ими определены.

(Из бюллетеня МТР).

Рудольф Роккер.

О XIII-м С'ЕЗДЕ ФЕДЕРАЦИИ АРГЕНТИНСКОГО «ГОЛОСА ТРУДА»

В порядке товарищества в наших революционных рядах когда то считалось приятным долгом, как для груп и их федераций, так и для отдельных товарищей, отмечать в прессе то или иное событие, связанное с задачами нашего движения, которое произошло или происходит в родственных организациях.

Таким событием был созыв с'езда и в особенности самый с'езд федерации безвластнических рабочих организаций в Аргентине. Ибо только на с'езде выявляется более или менее подлинный голос организации по тем или иным важным общеанархическим вопросам.

С'езд этот состоялся. Но, к сожалению, отметить о нем что-либо отрадное нет возможности! С'езд этот, судя по его резолюциям, носил локальный характер аргентинских условий жизни безвластнических рабочих союзов и их федерации; он не затронул организационных вопросов нашего движения во всероссийском масштабе. Потому ли с'езд не затрнул этих важных и актуальных вопросов, что он сознательно не считал нужным их касаться, боясь приблизиться более серьезно к положениям проэкта платформы, или потому, что руководители его, очевидно, упустили из виду то, что на российских анархических группировках на эмиграции лежит тяжелая и ответственная обязанность использовать свое эмигрантское скитание в условиях относительной политической свободы (по сравнению со свободой в СССР) в интересах разбитого большевистской диктатурой Всероссийского анархического движения Эта сторона в резолюциях с'езда отсутствует. Несомненным остается лишь тот факт, что с'езд по официальным вопросам повестки дня был анархическим, но почему то совершенно не заинтересовался трагическим положением анархизма во всероссийском масштабе. А ведь, казалось, что Федерация с многолетним житейским стажем, живя своей даже исключительно локальной жизнью, могла бы кое что проделать в вышеупомянутом направлении. Но это только казалось. В действительности же она оказалась настолько немощной или безразличной, что даже на своем С'езде не смогла поднять столь важных вопросов нашего движения. Федеративный С'езд вынес, правда, резолюцию «Анархическое Движение», в которой коснулся ряда избитых, словесных, ничему не обязывающих его вопросов — например:

О позиции Федерации. С'езд, ссылаясь на мнение союзов на местах, кроме Кружка (видимо революционно - анархического) в Каруе, постановил придерживаться старого устава и декларации Федерации... и не находит нужным изменять направления и деятельности Федерации.

Об анархической печати.. С'езд постановил, что было бы желательно обмениваться мнениями на стр. «Голоса Труда».

Об академическом журнале постановлено, что было бы желательным создать его, если товарищи в Европе найдут возможным издавать таковой...

О проекте Платформы и Анархо-Ком. Партии постановлено опять таки согласно решениям союзов на местах, кроме Кружка в Каруе, — отнестись отрицательно, как к противоречащим «анархическим принципам»...

И заканчиваются вопросы этой резолюции «Анархическое Движение» пунктом о музее имени П. А. Кропоткина, на котором я позволю себе остановиться ниже, так как он заслуживает самостоятельного разбора.

Что же на самом деле говорят собою выше приведенные основные положения резолюции «Анархическое Движение»? Ничего, кроме безспорной ясности о том, что большинство длегатов и сами руководители с'езда не желают понимать ни современного анархизма, ни его процессов, связанных с временем, с которыми переплетаются жизнь и борьба трудящихся ежедневно и которые пред'являют анархизму, как революционно - социальному движению, свои суровые требования. Правда, руководители Федерации на этом С'езде самостоятельно себя не вели, они увлекались чужими мыслями и суждениями и этим самым, очевидно, оказали влияние на самостоятельные мысли и суждения делегатов вообще. Это замечается по докладу Исполнительной Комиссии в местах, где докладчик, ссылаясь на имена т. т. Малатеста, Рокера, М. Корн и других, называет проэкт Платформы, документом «антианархическим, противоречащим принципам Федерации и анархизма».

Я, конечно, не знаю такого случая, чтобы т. М. Корн называла когда-либо проэкт Платформы «анти-анархическим» документом. Наоборот, мне известен случай, что когда группа «Дело Труда» ответила М. Корн на ряд поставленных ею вопросов (см очерк в «Дело Труда» 18 №: Организационная Платформа (вопросы и ответы), то т. М. Корн была этим ответом вполне удовлетворена. И затем т. М. Корн принимала живое участие в составлении груповой анкеты из 27 вопросов. Так что ссылаясь на М. Корн, докладчик Испол. Комиссии Федерации прибег, по моему, к понятной лишь для одного его некрасивой передержке.

Жалею, что не имею под руками и даже не слыхал мнений о Платформе т. т. Рудольфа Рокера и Нетлау. А о т. Гуго Трои нечего и говорить, так как он был до появления тов. Фабри в Париже сторонником Платформы. Но я читал о Проэкте Платформы очерк т. Малатесты. Он меня не удовлетворяет. В целом ряде мест своего очерка «Организация и Анархия» т. Малатеста проявил себя догматиком несравненно большим, чем он есть и был во времена организации Итальянского Союза Анархистов. Так, например, в этом его очерке есть место, где гоォрится *об употреблении любой тактики в анархической организации каждым ее членом в отдельности.* Это звучит, быть может, для кое-кого сильно и приятно, но для меня это звучит практической несостоятельностью. Ибо всякая серьезная анархическая организация, коль скоро она займется серьезным практическим об'единением широких масс, не сможет строить планов широкого масштаба на распыленности своих сил и на раздробленности своей тактики. В таких случаях безграничная свобода отдельных лиц и даже груп отойдет на задний план. Первым и важным должно будет направлено общеанархическое внимание к тому, чтобы победа и торжество революции были организационно повсеместным явлением и как можно полнее в анархическом смысле. При таком положении

дел нашей анархической организации следует быть особенно сильной и в политическом и тактическом отношении единой. Потому что в такие моменты (тов. Малатеста очевидно подмечал) в процессе событий встречаются две совершенно самостоятелные воли, — это воля анархического — или какого нибудь другого партийного движения —, и вля движения масс, с которой анархисты не могут не считаться. Наоборот, они должны будут стремиться в это время во что бы то ни стало сочетать волю своего движения с волей движения масс. А сделать это без ущерба для нормального и полного развития и влияния идей своего движения на ход событий, анархисты смогут только при помощи единой тактики. Тут употребление любой тактики да еще отдельными членами анархической организации возможно будет в том лишь случае, когда члены эти будут сидеть где либо в тихом кабинете в стороне от событий. На улицах же городов и сел, на баррикадах или по линиям фронтов, распыленность тактики вредно для тех целей, какие в этих событиях анархистам прийдется формулировать перед массами, которыми и во имя которых начнется и будет направляться к своим совершенным целям процесс революции.

Это то, что дает мне право считать недопустимым восторгатся ошибочными суждениями уважаемого тов. Малатесты и теперь до революции, когда речь идет пока что только о проэкте Платформы, несмотря на то, что в данном случае эти и им подобные его суждения вызвали у многих товарищей патетический восторг. Многие, даже жулики, для которых анархизм, видимо, никогда не был ничем другим, как только дешевеньким средством рекламы, прикрываются этими его положениями в своей грязной борьбе против органа «ДЕЛО ТРУДА», против его руководителей и соратников, развивающих и проповедующих анархические положения проэкта Платформы. Для всех этих людей их клевета вполне сживается с их «анархизмом»; для них тем лучше, чем скорее оклеветать в трудовой анархической семье этот единственный на русском языке революционно-анархический орган.

Впрочем, все клеветники эти скоро сломают себе головы на этом пути и мне касаться их нечего... Вернемся к резолюциям С'езда родственных, как я уже выразился нам организаций.

Изъ всех резолюций С'езда особо рельефно бросаются в глаза две — это резолюции о музее имени П. А. Кропоткина и о «ДЕЛЕ ТРУДА». В последней бесвластнический С'езд поставил «ДЕЛО ТРУДА»э «ПРОБУЖДЕНИЕ» и «РАССВЕТ» под одну идейную рубрику и постановил: вопросы о них снять с порядка дня.

Этим С'езд желал, очевидно, выразить что то символическое, не то для себя, не то для своих вдохновителей, но обнажил лишь свою непростительную антиидейную чуткость в отношении каждого из упомянутых органов Совершенно очевидно, что С'ездом руководила в этот момент чья то неискренняя, чуждая анархического духа мысль, главным образом, в отношении органа «ДЕЛО ТРУДА» — этого революционного анархического бойца, который упорно и настойчиво б'ется сам над существеннейшими впросами нашего движения и добивается прямого и ясного на них ответа от других. К этому анархическому революционному бойцу С'езд родственных, казалось, организаций сознательно, или будучи заведен в заблуждение, что вероятнее всего, отнесся безответственно и антианархически.

Читаешь и не веришь, чтобы что либо подобное могло случиться в наших анархических рядах в Аргентине, да еще на их С'езде. Однако, резолюция о музее имени П. А. Кропоткина подтверждает это. В самом деле, — прочтите эту резолюцию и вы увидите, насколько она пропитанна циничной ложью в отношении документов-протестов и подписавшего их ответственного революционного анархического коллектива в СССР, ставшего на защиту анархизма и его лучших представителей перед ложью мистиков.

Резолюция эта дословно гласит слдующее:

«Принимая во внимание разные слухи, появившиеся в печати по адресу лиц, близко стоящих и являющихся организаторами музея, С'езд решил обратиться к Софье Кропоткиной с просьбой раз'яснить, насколько справедливы появившиеся слухи, опубликованные в журнале «Дело Труда». И, если эти слухи несправедливы, помогать его развиитю, как до сих пор, моральньо и материально».

Как нужно понимать эту резолюцию? Что значит разные слухи? Когда и какие именно из анархических с'ездов могли так цинично, пошло подменивать именем «разных слухов» ответственные коллективные документы - протесты, подписанные всему анархическому миру известными действенными представителями анархизма?

Анархический коллектив, не мало членов которого на протяжении деятков лет не теряли и не теряют своего идейного значения на путях развития анархической идеологии в интересах анархического движения, его социальных битв и побед, — коллектив, который с полным сознанием своей ответственности за себя и за движение скрывает до нага всю сер'езность опасности (особенно в условиях большевистской реакции) со стороны прикрывающейся анарх. фразеологией мистической секции в музее имени атеиста и материалиста Кропоткина, вскрывает отвратительные средства этой секции против революционных анархистов, при том вскрывает все это явно перед лицом всего анархического мира и самих же мистиков. А федеративный С'езд безвластнических организаций в Аргентине, в это время, закрыв на все это глаза и, словно принужденно, последовал в этом вопросе за логикой, свойственной лишь спекулянтам идеями анархизма, воодушевился антианархической совестью и подменил подлинность ответственных документов-протестов «разными слухами».

Какой позор и стыд для действительной анархической среды федерации и ее XIII С'езда!

Н. Махно.

РОССИЙСКИЕ АНАРХИСТЫ — — «ДЕЛУ ТРУДА»

Дорогие товарищи,

Ваши слова доходят к нам редко.

Вы знаете, что наши связи с зарубежными товарищами оборваны давно, наши организации и группы разгромлены.

Но кадры старых борцов, активных участников 1905 года и Октября, верных неизменно традициям и лозунгам пролетарского классового революционного анархизма, продолжают существовать. Для них анархизм сейчас как прежде, остается революционным, материалистическим, антигосударственным и коммунистическим учением

Следя напряженно, по случайно доходящим к нам отрывкам, за Вашей борьбой за сплочение и об'единение товарищей, стоящих на платформе «рабоче - крестьянского анархизма», мы убеждаемся все более, что борьба эта — великое и ответственное дело, что не следует щадить никаких усилий, чтобы продолжать это дело с привычной Вам энергией и далее.

«Дело Труда» — единственный орган, дающий полное и верное отражение мыслей и планов революционного анархизма, последовательно работающий над его идеологическим и политическим оформлением.

Мы всецело были с Вами в Вашем походе на американскую «рассветовщину» — это уродливое, националистическое и мистическое напластование на анархизме. Мы выразили наше отношение к этому реакционному течению в специальных обращениях, направленных в «Северо - американскую конференцию анар. - коммунистических групп» и к «Рабочим - анархистам Соединенных Штатов и Канады».

Мы были солидарны с Вами до конца и в разоблачениях, связанных с деятельностью Московского Музея имени П. А. Кропоткина, в котором анархо - мистицизм, реакционное явление того же порядка, что и американская «рассветовщина», свил себе прочное гнездо.

Мы всецело на Вашей стороне и в Борьбе «Дела Труда» с дезорганизующими тенденциями товарищей, группирующихся около южно - американского органа «Голос Труда».

Приветствуем Вас, дорогие товарищи!

Продолжайте упорно Вашу борьбу! Она поможет и русскому анархизму выйти на широкий путь мировой анархической революции.

По поручению Коллектива Московских Анархистов-Коммунистов

С анархическим приветом:

А. Боровой, Н. Рогдаев.
Вл. Бармаш, К. Н. Медынцев.

25-ое апреля 1929 г.

ЗА «ДЕЛО ТРУДА»!

Столетиями стихийного анархического движения рабочих и крестьянских масс, десятилетиями сознательной анархической деятельности создана особая анархическая культура, представляющая собою совокупность определенного рода идей, обычаев, методов действия и т. д.

Характерными признаками анархической культуры является признание общенародным достоянием земли, фабрик, заводов и всех продуктов труда настоящих и предшествующих поколений рода человеческого, добровольность организации, право личной и групповой инициативы, принцип воспитания масс путем примера, а не принуждения, революционные методы разрушения капиталистического строя.

Усвоение человеком анархической культуры ставит его в ряды анархизма, отказ от нее ставит вне рядов его.

Современный анархизм выражает волю рабочих и крестьянских масс. В зависимости оттого, как понимает тот или иной анархист это проявление классовой воли, как он его об'ясняет, он принадлежит к той или иной теоретической школе. Теоретических школ в анархизме может быть почти столько же, сколько течений в философии и социологии, ибо почти каждое миросозерцание может дать обоснование анархического движения, убедительное для сторонников данного миросозерцания, но не убедительное для других.

Таким образом, анархическая культура служит выражением единства анархической воли при разнообразии миросозерцаний. Разнообразие миросозерцаний в анархическом движении столь же неустранимо, как неустранимо оно в человеческой среде, тем более что право свободного искания человеческой мысли, есть неот'емлимая часть анархической культуры.

Однако, нет сомнения, что разномыслие ослабляет единство воли, а единомыслие скрепляет его. Это противоречие, с точки зрения анархической культуры, разрешается путем *отбора* единомышленников и добровольного *об'единения* их.

Задача, выдвинутая платформой и пропагандируемая журналом «Д. Т.», сводится к отбору единомышленников и об'единению их в Партию А.-К. Ставя такую задачу, «Д. Т.» не нарушает ни одного из элементов анархической культуры, созданной творческим гением длинного ряда анархических поколений.

Чем вызвано появление нового направления в анархическом движении? — Исключительно, изменением обстановки борьбы, требующей новых методов организации и борьбы.

В период 1865-877 г.г. анархизм об'единял свои ряды в международном масштабе. Миросозерцание членов организаций было неоднородно, но организация, программа и тактика отличались большим единством. Анархисты участвовали в профессиональном движении и организовывали вооруженные восстания.

В период 1877-1894 г.г. анархисты об'единялись в мелкие группы и федерации. С профессиональным движением они не были связаны. В области тактики их внимание было сосредоточено на пропаганде идей и индивидуальном терроризме. (Исключение представляет испанский анархизм).

В период 1890-1905 г.г. анархисты работали в профессиональных организациях, причем значительная часть их не была об'единена даже в группы. Основным методам борьбы в руках анархистов была всеобщая стачка. (Исключение представляет итальянский анархизм).

С 1905 г. начинается период оранизационного строительства анархизма. После Октябрьской революции складывается новое течение, представляемое «Д. Т.». Это течение, воспринимая традицию итальянского анархизма, стремится организовать партию А.-К., охватывающую часть анархического движения. Это течение считает не-

обходимым для своих единомышленников участвовать не только в профессиональном движении, но и в кооперативном и в других добровольных организациях рабочих и крестьян. Это течение делает ставку на партизанское движение в качестве средства разрушения старого мира.

Анархисты периода 1877-1894 г.г. верили в *стихийное творчество масс*. Анархисты периода 1890-1905 г.г. верили, что *синдикализм самодовлеющ*, что он сам по себе приведет к осуществлению всех целей анархизма. Поэтому, анархисты этого периода во главу угла полагали экономическую организацию — синдикат.

Сущность нового течения, по моему мнению, заключается в том, что оно *во главу угла кладет идеологическую группировку* — союз единомышленников. Слово «партия» именно и подчеркивает *первенство идеологической группировки над экономической*.

Партия А.-К. — это *сознательное меньшинство*, которое, своим примером, направляет революционное движение к анархическим целям. Кооперативные, профессиональные и иные организации рабочих и крестьян — это *активное меньшинство*, совершающее переворот, следуя за П. А.-К. и опираясь на сочувствие масс.

Таким образом, принцип партийности вытекает из той философии истории, которая была дана Бакуниным и не вызывала возражений со стороны Кропоткина.

Означает ли появление нового течения раскол в анархизме? — Ни в коем случае. Так ставить вопрос могут только враги всякого новшества:

«Стучится идея о чем то, бишь, новом —
Давайте запремте все двери засовом».

Такова философия всех старьевщиков, выступающих против новых идей только потому, что они новые. Именно такой философией руководствуются те люди, которые кричат о расколе, об уходе от анархизма «Дела Труда».

Самым уязвимым местом в Платформе является принцип советов. Я лично с ним не согласен. Но, товарищи —

«Чем кумушек считать, трудиться,
Не лучше-ль на себя оборотиться».

Ведь этот же принцип советов вводит в свою программу Международное Товарищество Рабочих! Этот принцип советов принимает Луиджи Фабри, Рокер и многие другие анархисты! Принцип советов приемлют наши товарищи Шапиро, Волин и другие! Почему же их никто не травит за это?

Затем, название «Всеобщий Союз Анархистов» наводит на мысль, что все анархисты обязаны быть его членами. Но во-первых, это название было принято той группой, которая придерживалась идеи «единого» анархизма. А во-вторых, теперь речь идет не о Всеобщем Союзе, а о Партии А.-К., в которую, по принципу отбора, войдет только часть анархистов, в порядке добровольного членства. В чем дело? — Организовать *часть* — это не значит внести раскол. Каждая группа есть часть движения, однако, образование новой группы никто не рассматривает как раскол.

Малатеста, отец партийного строительства анархизма, возражает против принципа идеологической однородности организации. Да, это новый принцип в организационном строительстве. Но, товарищи, анархизм признает автономию групп. Каждая группа может быть какой угодно строгой в приеме своих членов. «Дело Труда» подбирает членов по признаку идеологической однородности. Это наше право. Кому не нравится наша идеология — пусть не вступает в нашу группу. Никто не зазывает! Никто силком не тащит! Но и не запрещайте же и нам, ибо мы тоже автономны в вопросах, касающихся нашего внутреннего устройства.

Малатеста возражает также против организационного построения партии. Однако эти возражения направлены против слов, а не существа дела и ничего нового не противопоставляют принципам, изложенным в Платформе. Они утверждают то же, что и Платформа, но другими словами, вполне приемлимыми с точки зрения сторонника Партии А.-К.

Выступление же «Д. Т.» против «Рассвета» — это не раскол, а борьба против лже-анархизма. Это — долг каждого анархиста. Конечно, «рассветовцы», давно отколовшиеся от анархизма, сами вопят о расколе, чтобы сбить с толку читателя. Раскол в движение вносит не «Д. Т.», а те анархисты, которые солидаризируются с «Рассветом», враждебным анархизму, для того, чтобы создать единый фронт против нового течения в анархизме.

Кто против извращений анархизма и против раскола в анархизме, тот должен поддержать «Дело Труда»!

В. Худолей.

К ЧЕМУ ПРИЗЫВАЕТ ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПЛАТФОРМА

В июне этого года исполнится ровно три года с момента выхода в свет Организационной Платформы. Определить силу ее воздействия на анархическую среду довольно трудно. В некоторых случаях Платформа была встречена с полным сочувствием и даже с энтузиазмом. В иных случаях она встретила оппозицию. В третьих была неправильно понята. В четвертых не дошла до сведения анархистов. Успехи, достигнутые Платформой, можно считать не великими, принимая во внимание трехгодичный срок времени. За этот срок, в иных условиях, при иной исторической обстановке складываются цельные движения, формируются большие политические организации. Однако, если мы примем во внимание тот факт что анархическое движение во всех странах переживает период острого упадка и застоя и что оно *ни в каком другом случае* не получило равития и движения вперед, то факт организационного воздействия Платформы на анархическое движение и на отдельных анархистов примет в наших глазах довольно крупное и первостепенное значение.

Так оно и есть. За последние 5-10 лет времени Организационная Платформа и вызванное ею движение в

рядах анархистов представляют собою единственный положительный практический шаг в развитии нашего движения. Иных мы не знаем. И нет никакого сомнения в том, что если бы основная мысль Платформы была правильнее и полнее понята широкой анархической средой, то результаты ее воздействия были бы значительно шире, глубже, плодотворнее.

В настоящей статье мы хотели бы подчеркнуть, комментировать основные положения Платформы, дабы устранить существующие на счет ее недоразумения и помочь интересующимся товарищам разобраться в ее содержании. Это тем более необходимо, что даже товарищи, теоретически и политически более подготовленные, высказывают иногда понимание Платформы, совершенно отличное от ее подлинного смысла. Из имеющихся у нас оценок Платформы мы приводим здесь одну, наиболее резкую и наиболее характерную в смысле ошибочного понимания основных положений Платформы. Вот что пишет товарищ из СССР:

... « Я считаю, что Вы через чур перегнули палку в сторону организации, партии и т. д. Ваша мысль мне представляется таковой: большевики победили организацией, значит и мы должны иметь организацию. Конечно, наша армия будет не красной, а черной, наше ГПУ будет не государственное, а что нибудь другое, наша партия будет не централистская, а вроде федералистической; но армия, ГПУ и партия как-нибудь у нас должны быть. С этим и я и многие здешние товарищи не согласны. Дело не во внешней победе, которая может быть таким способом обретается, а в настоящем приближении к анархизму. Очень ценны Ваши усилия, чтобы выбраться из болота общих мест, использовать опыт последних лет... но я считаю, что Вы поддались соблазну большевизма. Особенно недопустимо то, что Вы пишите о каком то подчинении профсоюзов, конечно, не как у большевиков, но тем не менее о подчинении. Нет, нет, это все слишком похоже на то, что мы здесь видим. Не хочу и не могу распространяться на эту тему, тем более, что я хотел Вам подчеркнуть вторую часть моей мысли: несмотря на эту неправильную тенденцию, «Дело Труда» очень и очень хороший, интересный и полезный журнал. Мне нравится его хладнокровная постановка вопросов, разумный тон. Товарищи здесь прямо жаждут его; это их единственная духовная пища, единственный признак жизни, который им показывает, что анархизм еще жив...». (Письмо т-ща П., январь 1929).

Ряд иных товарищей высказывают несогласие с отдельными пунктами Платформы — с пунктом о «производстве», о «защите революции», а некоторые т-щи несогласны с теми или иными терминами, имеющимися в Платформе.

Во всех выдвинутых до сих пор против Платформы возражениях нет понимания одного самого важного пункта Платформы — понимания нашего *подхода к организационной проблеме* и метода ее разрешения. Между тем, понимание того и другого чрезвычайно важно, имеет решающее значение в деле правильной оценки Платформы и всей деятельности организации «Дело Труда».

Платформа, прежде всего есть попытка разрешить определенную практическую задачу нашего движения. Эта задача не может быть не замечена всяким, кто не закрывает глаз на современное состояние анархического движения и кто хоть сколько нибудь беспокоится о судьбах его. Удобнее всего это состояние иллюстрировать примером последних лет. В настоящее время по всему русскому анархическому миру, где мало-мальски сохранился принцип и дух анархизма, идет глубокое возмущение явлением рассветовщины (в С. Америке) и мистического анархизма (в Москве), выступающих под флагом анархизма. Существует еще ряд промежуточных течений и оттенков, которые подобно рассветовщине и мистицизму, должны быть отнесены в лагерь, ничего общего не имеющий с революционным рабочим анархизмом. Однако, как это ни чудовищно, «течения» эти, наряду с подлинными анархическими течениями, считают себя выразителями анархизма, издают газеты и журналы, в которых обучают массы своему анархизму, и еще совсем недавно, на днях мы были свидетелями того, как рассветовцы, защищаясь от организации «Дело Труда», завопили о едином анархическом фронте между рассветовцами, малатестовцами, кропоткинцами и т. д. Единый фронт между полуфашистской, полумонархической группой «Рассвет» и малатестовцами и кропоткинцами! — можно ли додуматься до большего унижения и большего позора для анархизма? Однако, позор этот на лицо. В ряде номеров «Рассвета» помещены призывы и обращения ко всем анархистам об'единиться с рассветовцами для совместной борьбы против Дело Труда.

Всякий из нас *обязан* поставить вопрос, — каким же образом мы дошли до такого позора, не до позора об'единения с рассветовцами, этого не случилось и надеемся уже не случиться, — а до того, что рассветовщина живет, процветает, треплет и перекрашивает анархическое знамя и даже имеет наглость говорить о едином анархическом фронте, в котором и она займет не последнее место? Каким образом этот позор подобрался к нам? Не мог же он ни с того, ни с сего упасть на нас неизвестно откуда. Были, очевидно, причины в рядах анархического движения, которые его постепенно подготовили. Каковы же эти причины? Вот здесь мы подходим к исходному и основному пункту Организационной Платформы.

Анархическая среда всегда и везде была смешанна, хаотична. Возьмем анархическое движение любой страны, и мы найдем в нем ряд групп и течений, каждое из которых имеет *свою* идеологию, *свою,* тактику и *свое* направление. Здесь и законченные анархисты-коммунисты, и индивидуалисты, и синдикалисты и просто хоатики — все признающие и ни с чем несогласные. Весь этот разнообразный и противоречивый элемент, создавал многоликую анархическую среду. Среда эта, по причине своего многоличия, а вернее по причине безличия, ни при одном практическом деле не могла действовать солидарно, согласованно. Наоборот, всегда она действовала противоречиво, антогонистично, тем самым сводя на нет практическую работу анрхизма.

Мы думаем, нет надобности приводить примеры, — которые показывали бы разноречивый состав нашей среды. На практике последних 12-ти лет каждый из нас

вполне убедился в этом, а также в том, что наша среда и идеологически и организационно засорена до последней степени. Большего засорения, чем то, какое имеется, трудно себе представить. При таком положении говорить об «об'единении» этой среды, о ее «синтезировании» значит серьезную, ответственную задачу анархической организованности обратить в предмет болтовни, значит фактически поддерживать тот хаос, который в течение двух десятков лет треплет и губит наше движение и который с поражением анархизма в русскоай революции достиг своего апогея.

Если 20-26 лет тому назад в русском анархическом движении находились три течения, каждое из которых, с верою в идеал, пыталось разрешить теоретические и практические проблемы анархизма, то, начиная с 1918 года, когда анархизм утерял свои позиции в соц. революции, у нас почти прекратилась всякая серьезная теоретическая работа анархизма, как движения. Зато появилось бесконечное количество открывателей анархических Америк, создателей анархических «теорий» и «фракций». Появился пан-анархизм, универсализм, био-космизм, синтез и т. д. Стало, что ни человек, — то фракция. И все это несерьезно, неинтересно, без веры в какую бы то ни было идею. Движение, лишенное общей теоретической и тактической линии, встало под угрозу дальнейшего распыления, внутреннего и внешнего вырождения. И уже в 1920-21 г.г. можно было предвидеть появление в анархизме иных, более гибельных извращений. Мистицизм, рассветовщина, полурассветовщина (в Южн. Америке) и проч. явились законными детищами хаотического и упадочного состояния анархического движения.

Мы уже отметили, что всякие попытки «об'единить» смешанную анархическую среду, «синтезировать» ее, «договориться» и т. д. ни на шаг не подвинут дело вперед. Единственный путь к преодолению хаоса и оздоровлению анархического движения это идеологическое и организационное *расслоение* нашей среды, это ее *дифференциация,* это *отбор* ядра активных работников на почве *однородной* теоретической и практической программы. К этому расслоению и отбору Организационная Платформа и призвала всех анархистов, желающих серьезно служить анархическому движению. И в этом — одна из главных задач и заслуг Платформы. «Единственным методом, ведущим к разрешению общеорганизационной проблемы, мы считаем сбор активных работников анархизма на почве определенных идеологических, тактических и организационных положений, т. е. на почве более или менее законченной *однородной программы*». (Введение к Платформе).

К большому сожалению, многие анархисты не обратили достаточного внимания на эту основную мысль Платформы. Это тем более печально, что задача расслоения, а вместе с тем и организационного оформления нашего движения стояла перед русскими анархистами еще 20 лет тому назад, в 1907-9 г.г. Раздавленные в те годы грубой силой царизма, анархисты физически не могли взяться за разрешение этой задачи и не успели даже формулировать ее и поставить в порядок дня. Революция 1917 года застала анархистов в состоянии крайней разбитости, растрепанности, дезорганизованности, когда одиночки анархисты ощупью подходили друг к другу и заново создавали разбитое движение. Происшедшие затем революционные события потребовали у них немедленного вхождения в эти события. Анархисты ни на одну минуту не поколебались. Величайшему из социальных переворотов — Октябрьскому — они бескорыстно и полностью отдали свои не успевшие организоваться силы, но благодаря этому они лишились возможности внутриорганизационного анархического строительства. Лишь когда анархическое движение вновь понесло поражение, на этот раз на фоне социального переворота трудящихся, и когда оно стало тонуть в потоке бесчисленных «теорий» и «направлений», которые после разгрома движения стали расти, как грибы после дождя, — тогда задача идеологического и организационного росслоения нашей среды, т. е. очищения ее от всевозможных внутренних и внешних наносов, вновь встала, как центральная задача дня. На разрешение этой задачи Организационная Платформа и постаралась обратить и сосредоточить внимание и силы всех активных работников анархизма.

В чем состоит расслоение среды и как оно должно произойти? Самым больным и уязвимым местом в анархизме всегда было отсутствие у него общей однородной программы. Никогда, поэтому анархисты, *не выступали* перед трудящимися с однородной последовательной проповедью своих идей и практических начинаний. Наоборот, у них всегда выходило так, что то, что сегодня проповедуется одной группой, то завтра в корне отрицается другой. И это не только в мелочах, но в основных тезисах, в вопросах общей политики, в центральных вопросах революции. Некоторые, защищая такое положение вещей, говорят, что в этом сказывается разнообразие идей анархизма. Допустим. Но какой толк от подобного разнообразия трудящимся? Они — страдающие и борющиеся массы — *сегодня, сейчас* нуждаются в правильной революционной идеи, которая привела бы их к освобождению. При этом в идее не обстрактной, а живой, реальной, разработанной и отвечающей на животрепещущие запросы масс, совершающих социальную революцию и социалистическое строительство. А анархисты, когда дело доходит до практики, вместо такой идеи преподносят массам целый клубок идей, в виде ряда противоречивых систем и программ, где великое переплетается с мелким и ничтожным, или же где одно другое отвергает. Вполне понятно, что анархизм *такого состояния никогда не мог* и в дальнейшем не сможет стать знаменем масс и их идейным руководителем. Массы чувствуют шаткость противоречивых систем анархистов и инстинктивно сторонятся их. И это несмотря на то, что они в эпохи революции живут подлинно анархической стихией.

Нам жизненно необходимо от группового типа работы, когда группы самодовлеют, когда каждая из них проповедует свою идею, ведет свою политику, перейти к более коллективному типу работы, когда группы между собою связаны единством цели и единством тактики и осуществляют некую общую политику, некое общее задание нашего движения. Нам жизненно необходима организация, которая сплотила бы основные силы анархизма, ста-

ла бы направляющей для всего анархического движения и взяла бы на себя ответственность за него.

Как придти к такой организации?

В этом отношении Платформа также выдвигает вполне самостоятельную идею — идею идеологического и организационного *единства* движения, идеологической и организационной *однородности*. Для пояснения данной мысли Платформа привела противоположную идею синтеза.

Последние годы «организационная» тема или тема «об'единения» стала самой модной у нас. Кто только не говорит и не пишет на эти темы. Нет, пожалуй, такой группы лиц, где бы эти темы не трактовали и не разрешали. Зачастую авторы не замечают того, что ни разговоры, ни статьи об организации ни в какой степени не продвигают дела вперед, больше того — не имеют к этому делу никакого отношения. Потому не продвигают дело и не имеют к нему отношения, что лишены самого основного, самого необходимого, — *способа разрешения организационной проблемы*. В этом отношении типичной является попытка, вернее мечтание, некоторых лиц об'единить в одно целое три течения анархизма — анархо-коммунизм, анархо - синдикализм и анархо - индивидуализм. Авторы этого мечтания, окрестившие его пышным именем «единого» или «синтетического»*) анархизма, исходят из того положения, что анархизм в процессе развития разделился на три самостоятельные течения, каждое из которых идет своей дорогой. Но в настоящее время — говорят авторы — нет оснований для такого деления. Все три течения имеют между собою больше общего, нежели разногласий. Поэтому следует стремиться к соединению их в одно и к созданию общей для всех их организации. Тем самым будет разрешена наша внутри-организационная проблема.

Эта незатейливая идея была бы совсем хороша, если бы она имела под собой хоть некоторое основание. К сожалению, она построена на тех самых основаниях, на которых строились различные воздушные замки. Вопрос об об'единениии можно ставить в том только случае, если имеются об'екты об'единения. Можно было бы говорить об об'единении в одно целое различных фракций анархизма, если бы такие фракции существовали. Но где они, эти фракции и существовали ли они вообще когда либо? Если существовали и существуют, то каковы их идеологические и тактические различия? В том то и дело, что так называемые фракции или течения в анархизме есть не более, как те или иные настроения (индивидуализм), или же попытки отдельных групп разрешить по своему какую-либо практическую проблему (анархо-синдикализм). О фракциях здесь можно говорить отвлеченно, теоретически, ибо их нет, как практических единиц. Организационная же проблема стоит перед нами не отвлеченно, а реально, в плоти и крови. Следовательно, говоря об об'единении, авторы этой мысли должны бы указать реально, *кого* и *с кем следует* об'единять и на какой именно платформе. Этого они ни разу не удосужились сделать, и не сделали они этого только потому, что весь их «замок об'единения» строился в воздуте, без всякого основания.

Фракционное об'единение, таким образом, отпадает по той причине, что нет фракций, как реальных практических единиц. Остается, стало быть, об'единение отдельных лиц, фракционно настроенных, придерживающихся то коммунистического, то индивидуалистического, то синдикального настроения. Это то реальное об'единение, к которому сводится вся идеи синтеза. Иными словами говоря, авторы синтеза предлагают всем различным и противоречивым оттенкам анархизма находится в одном об'единении, т. е. предлагают как раз тот смешанный хаотический тип организации, который издавна существует у нас, как явление отрицательное, который не даст возможности нашему движению встать на ноги и который давно осужден жизнью. Теоретическая и практическая несостоятельность идеи синтеза бьет прямо в глаза. Приведенный пример показывает, сколь недостаточно одного доброго пожелания для решения такой серьезной проблемы, как внутри-организационная проблема анархизма.

Наше понимание организационной проблемы и наш подход к ней совершенно иные. Мы считаем грубой отсебятиной определение анархо-коммунизма, как одного из течений анархизма. Анархизм-коммунизм — эта *основная цель*, во имя которой анархическое движение возникло в разных странах, живет и развивается и которую оно единственно преследует. Анархический коммунизм — основная цель революционного борющегося труда. Отымите эту цель у рабочих классов и у них пропадет возможность освобождения. Это столь очевидно, что даже основоположники марксизма — Маркс и Энгельс — вынуждены были признать конечной целью пролетариата безгосударственный коммунизм, правда, переносимый ими в отдаленное будущее, когда государство, по выражению Энгельса, «стихийно отомрет». Как же можно эту конечную цель, эту основу основ анархического и вообще пролетарского движения ставить в разряд *течений* анархизма, при том на одинаковом уровне *с частичными* философскими или практическими предложениями, каковыми являются индивидуализм и синдикализм? Подобное понимание могло возникнуть лишь у лиц, которые не отдавали себе отчета в смысле и значении анархического коммунизма. И это произошло главным образом потому, что анархическая среда не только дезорганизована, но и бесконечно засорена, засорена и идеологически и организационно. Дезорганизованность влекла за собою засорение среды, а засорение среды — дезорганизованность. В этом порочном кругу наше движение тащится десятки лет.

Разве анарх. движение не потому, главным образом, понесло поражение в русской революции 1917 г., что оно оказалось бессильным идеологически и политически сгруппировать массы вокруг идей и лозунгов анархизма? И

---

*) *Примечание:* Не желая повторяться в данной статье по вопросу о синтезе, напоминаем товарищам, что более подробный разбор этого вопроса дан нами раннее в редакционной статье «Организационная проблема и идея синтеза» («Д. Тр.» № 10) и в статье «Критика синтеза» («Д. Тр.» № 25).

разве это бессилие не явилось прямым последствием хаотического состояния идеологии, теории и тактики анархизма и хаотического состояния анархических рядов? И, наконец, разве весь этот хаос зародился, процвел и укрепился в нашем движении не потому, что движение с самого начала не установило в самом себе определенного программно - организационного принципа — принципа идеологической однородности и тактического единства?

Теперь из этого этого порочного круга надо искать выход, дабы предотвратить дальнейшее разложение и дальнейший распад движения. Об'единение анархистов на почве однородной программы коммунистического анархизма является необходимым условием возрождения и укрепления движения. Идеологически и тактически однородная организация (партия) освободит наше движение от грубых внутренних и внешних противоречий, отталкивающих рабочие массы от анархизма, выявит идейную и тактическую мощь анархизма и несомненно сгруппирует вокруг идей и лозунгов его революционную часть рабочего класса и крестьянства.

К построению такой организации и призывает анархистов Организационная Платформа.

Из сказанного видно, сколь заблуждаются те товарищи, которые говорят, что «Дело Труда» в вопросе организационном перегибает палку. Надо думать, что эти товарищи не замечают всей опасности нынешнего катастрофического положения анархического движения, не видят его внутренних причин, а также недостаточно внимательно отнеслись к организационным идеям, выраженным в Платформе.

Если же эти товарищи отчетливо представляют себе настоящее положение анархического движения, знают причины этого положения и все же не согласны с идеями и методами, высказанными в Платформе и изложенными в настоящей статье, то необходимо знать, что они противопоставляют этим идеям и методам. Что они противопоставляют принципу идеологического и тактического единства, принципу коллективной (взаимной) ответственности? Что они далее противопоставляют методу идеологического и организационного расслоения нашей среды, методу идеологического и организационного отбора?

Лишь зная идеи и методы, противопологаемые нашим, можно будет видеть, о чем идет спор, — идет ли спор о словах или, наоборот, о чем-то серьезно-существенном. И тогда можно видеть, кто правильнее понимает практические задачи анархизма нашей эпохи и кто их правильнее решает. Свое понимание этих задач в смысле идеологическом и организационном мы высказали и находим, что оно является единственно правильное. Другого, которое бы решало проблему, мы не знаем и не представляем.

Перейдем теперь к тем положениям Платформы, которые вызвали возражения, как некоторых традиционных анархо-синдикалистов, так и некоторых антисиндикалистов, — к положению о производстве, о защите революции, о синдикализме и о формах будущей общеанархической организации.

П. Аршинов.

(Окончание в след. номере).

ЗАЯВЛЕНИЕ

Исполнительной Комисси Федерации Анархо-Коммунистических Групп Соединенных Штатов и Канады.

Организационная Платформа, выпущенная Группой Русских Анархистов Заграницей, вызвала к себе одобрение со стороны анархистов — сторонников организованности, и бурю негодования — со стороны искателей синтеза и со стороны «рассветовцев», барахтающихся в болоте национализма и религиозности и тем не менее ратующих до сих пор за принципы анархизма, которые они давным давно предали. Более чем очевидно, что как Волин и волинцы, так и рассветовцы бессильные противодействовать восприятию основной идеи Платформы анархической здоровой средой. Однако рассветовская головка, прислушивающаяся к голосу попов и белогвардейцев, обнаглела до того, что ничем уже более заниматься не может, как сочинением, устами Вышинского, всяческих клевет на работников анархизма, в частности на тов. Аршинова, разоблачивших ее до нага перед анархистами и перед трудовой русской колонией в Америке.

Для этой цели ими, между прочим, использовано заявление на Конференции, состоявшейся в Детройте 2-3 февраля, делегатов от групп, входящих в Федерацию, что, будто, Федерация не признала совершенно Платформы. «А! — восклицает злорадно «рассветовский» головотяп Вышинский на страницах «Рассвета», «это не в бровь, а в глаз Аршинову». Комиссия не знает, говорили ли делегаты от наших групп это на Конференции в Детройте или нет. Однако, если и говорили, то не в таком смысле, как это передают в резолюции детройтские товарищи, только что ушедшие, от «Рассвета», ибо еще 1 и 2 января 1927 года Федеративной Конференцией было вынесено следующее постановление по поводу Платформы:

«По существу — Конференция соглашается с Платформой. По мнению Конференции, основная идея этой Платформы — необходимость организации анархических сил в одно дееспособное целое, на почве общих всем участникам организации практических мероприятий и идеологических воззрений — является вполне своевременной и проведение ее в жизнь считаем крайне желательным. Конференция так же согласилась с тем, что анархисты должны быть ответственны за свою работу перед анархическим движением и должны вести ее, руководствуясь анархическими принципами».

Вот то решение, которое вынесено Федеративной Конференцией два года тому назад. Оно повторено и последними двумя Федеративными Конференциями, хотя и в иной формулировке. Дальше, да будет известно всем Вышинским, что Платформа является лишь проектом, а проекты писать может кто угодно и предлагать другим на обсуждение. Там поступила организация Анархистов-Коммунистов Дело Труда. Как проект, Платформа оставляет право за каждым, согласным с ее основною идеею, вносить свои те или иные поправки и предложения. Это и делается теперь теми, кто согласился с основной идеей Платформы. Федерация стоит за выработку программы

действия и за об'единение в одну боевую революционную единицу всех тех, кто принципиально выдержан и не боится организационной ответственности. Федерация и в дальнейшем будем работать, чтобы основная идея Платформы была проведена в жизнь. А за это ответственность ложится на всех тех, кто так или иначе принимает участие в выработке будущей анархо-коммунистической программы, а не на отдельных лиц и, понятно, не на тов. Аршинова. Дело наше правое, мы не боимся ответственности и не бежим от нее.

С анархическим приветом.

Секретарь Федерации Анархо-Ком. Групп
Сев. Ам. и Канады

И. Д.

И. В. ХАРХАРДИН

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ АНАРХИЗМА В РОССИИ

(Продолжение).

Глава II.

Своими произведениями и Монтескье и, главным образом, Фенелон вдохновили к самостоятельному творчеству целый ряд русских писателей. Особенно разнообразны были подражания русских Фенелону. В связи с его влиянием стоит творчество князя М. М. Щербатова, описавшего в своем произведении «Путешествие в землю Офирскую» страну, в которой монархический произвол ограничен аристократической олигархией. Вне сомнения влияние Фенелона и на Захарьина, который в «Афраксаде» дал утопический образец такого общественного строя, в котором господствует патриархат, а вся власть сосредоточена в руках старейшин.

Другой стороной своих произведений, именно теми утопиями, разбор которых приведен выше, Фенелон и Монтескье вызвали подражание со стороны таких писателей, как Левшин, Чулков и Россиянка.

***

Василий Алексеевич Левшин родился в 1746 г. умер в 1826 г. Происходил он из помещичьей семьи. Жил в Гульской губернии. Одно время был секретарем Императорского Вольного Экономического Общества. В старости занимал пост судьи в г. Белеве Тульской губ... Был довольно прилично образован, много читал на своем веку, причем проявлял, судя по его произведениям, интерес к самым различным отраслям знания. Обнаружившееся еще в молодые годы стремление к литературному творчеству, вылилось потом в многочисленных романах и научных работах. На протяжении его жизни он опубликовал свыше 80-ти работ, составивших в общей сложности 190 томов. В свое время Левшин принадлежал к наиболее читаемым писателям. В 1784 г. в журнале «Собеседник Любителей Российского Слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых Российских писателей», им был опубликован роман «Новейшее путешествие. Сочинение в городе Белеве».

Содержание этого романа таково. Нарсим, один из жителей земли, однажды задумался над вопросом, — возможно ли осуществить путешествие с земли на луну. Во сне ему снится, будто он изготовил летательный аппарат, при помощи которого он достигает луны. В то же время один из жителей луны — Квалбоко — так же изобретает подобный аппарат и задолго до прибытия Нарсима на луну, улетает на землю, где знакомится с условиями общественной жизни земных людей и возвращается на луну. На этой канве развертывается ознакомление Нарсима с социальной жизнью лунатистов — жителей луны — и с отношением их — в лице Квалбоко — к социальным порядкам, царящим на земле.

Левшин, как и его наставники, помещает описываемых им жителей луны в самых благоприятных природных условиях. Приближаясь к поверхности луны, Нарсим увидел «обворожающие приятности природы, расточившей дары свои на поверхность сея планеты» 1), говорит автор. Но в отличие от Фенелона и Монтескье, Левшин не сосредотачивает своего внимания на подробном описании прелестей природы, а ограничивается одним приведенным заявлением. Мимоходом — из дальнейшего изложения — мы узнаем, что на той стороне луны, которая не освещается солнцем и где живут дикари, занимающиеся лишь рыболовством, природа сурова и недостаточно привлекательна.

Русский утопист не заботится и об обрисовке характера лунатистов, — так называются те жители луны, которые обитают на освещенной солнцем половине луны. Характер лунатистов может быть выведен нами из толкования некоторых побочных факторов, встречающихся в повествовании. Но и в таком случае психика лунатистов предстает перед нами в недостаточной яркости. Единственное, что можно сказать, пользуясь этим методом, о лунатистах, сводится к тому, что они — трудолюбивы, терпеливы, стойки, любят своих детей и в большинстве своем совершенно не любознательны. Но нелюбознательность их вызвана не тупоумием, а сознанием ограниченности человеческих сил в деле познания. «Исследовать подробно неизвестное, а наиболее постигать невозможное, поставляется у нас крайнею глупостью, — говорил Нарсиму один из старых лунатистов, — Фролагий... Такая мелкая тварь, каков человек, и с таким ограниченным смыслом, никогда не может постигнуть или проникнуть твердейшую завесу премудрых намерений творца... Довольно, что есть луна, есть на ней жители и есть избыток для всех их надобностей: а сие и (есть И. Х.) достаточная причина вместо пустых умозаключений быть только нам к всевышнему благодарными и пользоваться данными нам

---

1) Собеседник любителей Российского слова, содержащий разные сочинения в стихах и прозе некоторых Российских писателей. 1784 г. Том XIII, стр. 151.

от него выгодами» 1). Для сохранения истины надо, однако, добавить, что изредка появляются люди, которые страдают любознательностью и не останавливаются перед всеми препятствиями, которые становятся на их пути к удовлетворению этой страсти. К таким людям принадлежал Квалбоко, рискнувший тайно от своих сородичей улететь на землю, чтобы познакомиться с нею. Как велика должна быть сила любознательности и энергии таких людей можно судить по тому, что стремящиеся к добыванию отвлеченных, не имеющих чистого практического значения, познаний именуются лунатистами-«выдумщиками» и подвергаются общественной мести, а иногда и остракизму. Общественная месть проявляется в довольно странной форме: «Выдумщики таковые, если бы только не приняли советов трудолюбивых своих собратий, померли бы с голоду. У нас неприобретающий руками своими пищи, считается не нужною тягостью для земли: и потому из любви к ближнему, оному, который только сидя на одном месте думает, что в такой-то блестящей звезде, должно быть тварям, не дают есть, чтобы через то он опомнился, и голод уверил бы его, какая разница орать (пахать *П. Х.*) землю, или терять время на ненужные выдумки»1). В такой форме общественное воздействие является как бы желанием обеспечить общество от тунеядцев и лиц, занятых непроизводительным трудом.

О хозяйственном быте лунатистов Левшин говорит также очень мало. В одном месте он упоминает, что «на луне все живут счастливо: нет там храмов, нет монахов, нет воинов, *нет собственности* (курсив мой *П. Х.*) и деспотизма, нет предрассудков, нет наук», которые на земле привели к целому ряду несчастий, из чего видно, что лунатисты живут в условиях коммунизма. А в другом — он вкладывает в уста старца, беседующего с Нарсимом, такое заявление: «Земледелие и скотоводство сочтено у нас одним упражнением, кое человеку предоставлено: ибо оное ему необходимо» 2). Живут они оседлой жизнью и потому можно предположить, что земледелие стоит у них на сравнительно высокой ступени развития. Кроме сельского хозяйства лунатисты заняты добыванием золота и драгоценных камней. И то, и другое употребляется ими на постройку домов. Приближаясь к селению «Нарсим ослеплен был блеском зданий. Не искусство зодчих привело его в изумление: он зрит во всем простоту, но поверят ли Нарсимовы сограждане, что поразило взор его? Все стены жилищ построены были из тех прозрачных цветных камнев, кои составляют величайшую нашу зависть и великолепие, а кровли из того только металла, который стоял жизни нескольким миллионам жителей Нового Света» 3). В числе зданий и селений имелся «пре-огромнейший покой, который пристойнее бы назвать городскою площадью, ибо в оном свободно было возлежать многим народа тысячам. В нем не находилось окон, но бесчисленное множество дверей, ведущих в отдельные комнаты» 4). Освещалось это помещение лучами солнца отражаемыми землею. Назначение этого помещения сводилось к тому, чтобы дать приют всем жителям: «все здание составляет один дом моего семейства» 1), — сказал Нарсиму Фролагий. В громадной же зале этого здания все жители встречались для совместной трапезы. К сожалению, Левшин так невразумительно говорит об общих трапезах, что очень трудно решить существовал ли у лунатистов потребительский коммунизм или нет. Ужин, во время которого присутствовал Нарсим, начался по звонку старца выходом женщин из боковых дверей. «Каждая из них приносит и поставляет на стол два блюда, провождаемая детьми своими, держащими сосуды с соками плодов и водою» 2). Старец благословил поставленную на стол еду и «каждое семейство занимает места свои в восхитительном порядке» 3). Ужин происходит в тишине. По окончании его Фролагий благословляет всех присутствующих и они удаляются на покой. Исходя из того, что каждое семейство приносило для себя пищу, можно, пожалуй, предположить, что лунатисты уже вышли из того периода коммунизма, который характеризуется общественным приготовлением потребляемого, и что совместные трапезы, подобные описанной, представляют собою ни что иное, как уцелевший пережиток коммунистической старины. Отдельные комнаты, расположенные вокруг того помещения, где происходил ужин, являются, повидимому, жилищами отдельных семей. Тогда Левшина с успехом можно назвать предшественником Фурье с его идеей фаланстера, как общего здания для жилья. И, наконец, не понятно, почему и зачем автор говорит о селении лунатистов, как совокупности многих самостоятельных зданий.

Значительно более подробно и обстоятельно выявлена в романе социальная сторона жизни лунатистов. Описание их общественного строя составляет главное содержание романа. Фролагий рассказывает Нарсиму об основах общественных устоев следующее: «У нас нет... государей: вся луна разделена на селении, в коих начальствующий есть отец жителей 4). Он сам — глава того селения, в которое попал Нарсим, и, показывая на ужинавших в описанном уже зале, заявил: «сии мои дети, чада сынов моих, внуков и правнуков» 5) и на вопрос Нарсима: «Кто же управляет вашими государствами, кто рассуждает при (разбирает споры *П. Х.*) ваши?» Он ответил: «Такие же старики, как я; и право родителя дает каждому право власти надо своими чадами. И кто же бы лучше мог стараться о пользе их»1). Из дальнейшего разговора выясняется, что важные вопросы, имеющие общее для всех лунатистов значение решаются общим согласием старцев. В частности, когда среди населения появились «люди, созидавшие в воображениях своих новые расположении правления; новые законы, совсем уклоняющиеся от вкраплен-

1) Там же, стр. 161.
1) Там же, стр. 163.
2) Там же.
3) Там же, стр. 157.
4) Там же, стр. 161.
1) Там же, стр. 159.
2) Там же, часть XIV, стр. 7.
3) Там же.
4) Там же, часть XIII, стр. 159.
5) Там же.
1) Там же.

ных в сердца наши чувствованиями естества; некоторые степени отличия; пустые титла, чтоб нарушить равенство чад от единого родителя происходящих, и чтоб лишить отцов и того натурального права, коему есть таинственное в душах наших оправдание; хотели предлагать завоевание другой половины луны нашей, которая не освещается солнцем, и где только слабый свет лишает плодоносия земли диких семейств, питающихся одними рыбными ловлями» 2), то «все сие пресечено разуменым решением *общего согласия старцев* (курсив мой. *П. Х.*), и сии неспокойные люди, по истощении возможных доказательств, выгоняемы были в мрачную страну луны, где они, не привыкши к ядению рыб помирали, или с довольным раскаянием возвращались в отечество, проклиная безумие прежних своих желаний, и, так сказать, полумертвые» 3). Решения старцев, повидимому, и проводятся в жизнь под их контролем. Решения старейшин не записываются, так как у лунатистов вообще не существует письменности, и основаны на естественных законах. Это явствует из следующего диалога между Нарсимом и Фролагием. «Позвольте вопросить, — спрашивает Нарсим, — каким образом может быть согласие между ваших семейств, когда оных столько много? Начальники пород не могут быть нравов сходных, и закон естественный восприимет во устах каждого различное толкование. Положим, что бывает у вас собрание старцев, в котором заключаются условия; но оные, не быв в письме, могут легко заглаждаться в памяти 4). На это старец возразил ему: «закон естественный довольно тверд, когда исповедует оный совесть каждого, оный начертан незагладимыми буквами в душах наших. И за чем писать то, что каждый по чувствам своим разумеет без истолкования? Мы столько счастливы, что природа наша старанием правителей семейств осталась еще в той своей невинности, каковою развернулась в первом человеке. Закон наш очень краток и не труден к исполнению: всяк разумеет, что должно любить бога, яко благодетеля, а ближнего как самого себя; а тем избавится от многих досад, неминуемо происходящих по нарушении сей заповеди. Утверждено у нас, что всякий другий закон, противного сему толкования, есть обществу вредноносный, и мерзкий пред богом: ибо кто не проклянет учение, с коим чувства все не соглашаются и спокойствие общее нарушается» 1). Вот в сущности все, что Левшин прямо сообщает об социальном строе лунатистов. Если к этому добавить, что они совершенно не ведут войн и не понимают, как можно из-за призрачных благ воевать, то эта сторона вопроса будет исчерпана целиком.

Параллельно изображению жизненных порядков на луне Левшин дает критику социального строя, существующего у земных жителей, вкладывая ее в уста возвратившегося с земли на луну Квалбоко. Он очень резко характеризует нравственный облик теперешнего населения земного шара. «Зависть, злоба, честолюбие, гордость, зверство, — говорят Квалбоко, — суть наследственные побуждения, коими сопровождаются все их деяния. Я прошел все части населенные, видел просвещенных и диких; но различие между ними было маловажно: дикие производили то наглостию, что просвещенные совершают искусством; и при том с таким искусством, такими тайными подкопами, что глупые или добродетельные не прежде познают намерение, как упав в изрытую яму»2). Особенно клеймит он страсть человеческую к войне: «Долго смертные довольствовались рвать друг другу головы за жен, поля, шалаши, горы, долины, власть в господство; следовало притить времяни, в котором начали драться за *ничто*, за пустой звук слова честь. Не отменное ли изобретение? Они могли убиваться, не имея другого намерения, кроме за честь» 3). К тому же беспристрастность заставляет Квалбоко добавить: «Я слышал... рассуждения о ней (чести *П. Х.*) на вашей планете, но мало видел ее последователей, разве только по одному виду или необходимости» 4). Современная жизнь земных людей по Квалбоко — сплошная война всех против всех. Земные жители представляются Квалбоко «в виду петухов, беспрестанно дерущихся за кучу навоза, за глыбу черной земли, которая без сорвания голов могла бы всех их прокормить, если б только умели они разумно оную разделить между собою» 1). Только в одном государстве, т. е. в России — тут Левшин пошел по пути раболепства — он видел благоденствие народа под мудрым управлением мудрой государыни.

Интересно отметить, как по мнению русских передовых людей XVIII-го века шло развитие человеческого общества на земле. Квалбоко так рассказывает об этом: «когда обитатели на земли еще не размножились, тишина возмущалась редко. Плоды земные избыточествовали. Всяк имел довольство, всяк занимал местечко, которое ему нравилось, и ссоры прекращаемы были родителями, по врожденному желанию спокойства в своем семействе. Не видно было кроме земледельцев и пастырей; работали или веселились: и сие малое течение времяни осталось у них в памяти под имянем *Златого века* 2). Словом, в этот период все были равны и люди обходились без всякой общественной власти. Но вскоре, благодаря увеличению народонаселения, начались раздоры из-за различных материальных благ, начались войны. В дальнейшем они все увеличились и для возникновения войн появлялись все новые и новые предлоги. Отличившиеся на войне люди приобретали популярность. Спорющие между собой люди начали обращаться к совету или помощи таких известных личностей. Этим положено было начало первому общественному институту — учреждению народных судей, «сие родило понятие о преимуществе, и подало мысль к начальству. Так сии судии народные, начав оказывать власть свою, произвели во многих завистъ. Вкус начальства, без того уже в сердцах гнездящийся, возблистал

2) Там же, стр. 164.
3) Там же, стр. стр. 164-165.
4) Там же, стр. 165-166.
1) Там же, часть XIV, стр. 5-6.

2) Там же, стр. 15.
3) Там же, стр. 28.
4) Там же.
1) Там же, стр. 21.
2) Там же, стр. 15.

еще прелестнее во очах людей»3). В процессе соперничества между судьями возникла власть государя. Такова социальная философия, развиваемая Квалбоко. Ее дополняет и частично исправляет Нарсим, говоря, что «когда мы рождены не к покорности, то, вне сумнения, к общественной жизни; а как зло вошло в общество, то начальство и употребление меча учинились необходимыми... Не властолюбие людей дерзких подало начало к бытию владетелей: самое естество вещи в народе умножившемся вело к тому необходимо»4). Избрание же властителей, произведенное с целью «положить пределы злоупотреблению... воспоследовало на условиях, которые подали случай к сочинению общих законов» 5). Знаменательно, однако, что в другом месте Левшин в лице Нарсима обнаруживает скептическое отношение, если не ко всем законам вообще, то, по крайней мере, к некоторым. «Изданные заповедании, — говорит он, — ко удержанию того, чтоб не могли произойтить некоторые преступления, служили только, чтоб учинить оные деятельными, и которые без того не могли бы, кажется, войтить в мысль человеческую» 1).

В. В. Сиповский находит, что произведение Левшина «примыкает в идейном отношении больше к «Персидским письмам» Монтескье, чем к «Телемаку» Фенелона, хотя и с последним можно найти немало точек соприкосновения» 2). Кроме того, по его мнению, возможно влияние на роман еще двух французских писателей — Ретифа де ля Бретонь и, может быть, и Сирано де Бержерак 3). Несомненно также влияние на Левшина и Руссо с его идеей общественного договора. Оставляя в стороне детальный разбор вопроса о возможной степени влияния на Левшина со стороны каждого из этих авторов, так как это усложнило бы работу, я полагаю, что в основном русский утопист творил свой роман под влиянием Фенелона, а не Монтескье. В самом деле — что характерно для изображаемого Левшиным строя лунатистов? Родовой быт с вытекающей из него властью старейшин и некоторыми прерогативами, присвоенными этой власти. Это как раз те черты социального быта, который присущ фенелоновским бетисцам. У троглодитов ни в один из периодов их истории в изложении Монтескье нет никаких черт родового быта. Затем, описание жизни лунатистов дается так же стационарно, как и описание Фенелоном строя жителей Бетики. Монтескье же не ограничивается описанием общества троглодитов в данный момент, а развертывает перед читателями их историю. Конечно, у лунатистов, и у бетисцев, и у троглодитов есть кое-что общее: жизнь в благоприятных природных условиях, добродетельность, религиозность и отсутствие любознательности, занятие жителей преимущественно замледением и скотоводством. Но и в хозяйственных основах жизни бетисцев и лунатистов значительно более общих черт, чем у лунатистов и троглодитов: и бетисцы, и лунатисты используют золото — один на изготовление резцов к плугам, другие — на постройку домов. Троглодиты же совсем не знают употребления золота. Конечно, в романе Левшина есть и нечто общее с утопией Монтескье. Но эта общность сказывается ярче всего в той части «Новейшего путешествия», в которой идет рассказ Квалбоко о земных порядках. И эта общность скорее технического характера, ибо в этой части Левшин ведет описание земных порядков в историческом разрезе подобно тому, как делает это Монтескье в своей утопии. Что же касается быта лунатистов, то он схож с троглодитским бытом лишь в том, что оба народа, в противоположность бетисцам, ведут оседлый образ жизни. Но здесь Левшин пошел дальше Монтескье, поселив целое селение лунатистов в одном доме на манер фурьеристского фаланстера.

3) Там же, стр. 20.
4) Там же, стр. 22-23.
5) Там же, стр. 26.
1) Там же, стр. 11-12.
2) В. В. Сиповский — Очерки из истории русского романа т. I, вып. I, стр. 133.
3) Там же, примечание.

Продолжение следует

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ АНАРХИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ГОДЫ ЦАРИЗМА

(Составлен на основании архивов Охранного Отделения).

Никто, конечно, не станет отрицать значения уцелевших архивов царских охранных и жандармских управлений для изучения революции 1905 года, а также зарождения тех политических партий, которые тогда уже выступили на арену политической жизни и тех группировок, которые в годы реакции и спада революционных волн, кропотливо и незаметно были своего рода преемственным местом, связавшим революцию 1905 года с революцией 1917 года. Но к сожалению эти богатейшие материалы лежат до сих пор сравнительно мало использованными. Но извлечь все ценное из груды этих специфических материалов, состряпанных жандармами, и найти историческую правду в этих покрытых архивной пылью фолиантах, могут только живые участники революционного движения, участники той подпольной работы, которая и являлась об'ектом «литераторов» из департамента полиции и охранных отделений. Только прямые участники, а не патентованные спецы академики в состоянии оценить тот или иной акт, то или другое явление, своеобразно политически освещенное жандармами. Только они могут отличить ту деятельность, которая по своему содержанию была истинно революционной, от той, которая

только прикрывалась флагом революционности и идейности, и которая так охотно рекламировалась жандармами, с целью дискредитировать то или иное течение революционной мысли. Познакомить читателя с некоторыми документами по делам анархистских групп за 1909-13 г.г. и поставил себе целью пишущий эти строки. Как раз за этот период очень мало материалов по истории анархистского движения, ибо это был период полного затишья, после ликвидации и разгрома всех более или менее солидных анархических групп в Киеве в 1907-8 г.г. Об'ектами жандармов являлись уцелевшие одиночки, то скрывавшиеся, то пытавшиеся снова начать какую-либо революционную работу.

Из кип дел, проходивших в это время я остановлюсь на наиболее характерных по своему значению.

Дело сестер Матрены Присяжнюк

Матрена Присяжнюк, по революционной кличке — Раиса, приговоренная киевским военно-окружным судом к смертной казни, памятна своей речью на суде, в которой она изложила цель, сущность, и тактический метод анархизма.

Эта речь в свое время была опубликована в заграничной прессе, а во время революции 1919 г. была перепечатана в одном из изданий киевской ассоциации анархистов-коммунистов. На суде присутствовали обе ее младшие сестры при чем одна из них по окончании речи сестры, воскликнула: «Раиса, ты умрешь, но мы продолжим твое дело и отомстим за тебя!»

Раиса, приговоренная к смерти, добыла яду через своих знакомых и отравилась, не желая отдавать себя в руки палачам. Смерть этой скромной героической девушки не была бесследной, она произвела колоссальное впечатление как на родных, ее сестер, так и на других, пробудила в них страстную жажду борьбы со всем тем, что сковывает и калечит человеческую личность. Я уверен, что все знавшие ее лично расскажут нам когда-нибудь повесть ее жизни и воскресят в нашей памяти светлый образ ее.

В просмотренной мною переписке киевских жандармов с одесскими видно, что сестры Матрены Присяжных — Анастасия и Фекла, и их знакомый, бывший священник села Кулешева, Погребищенской волости Петр Шидловский, были на пути к осуществлению обещания данного ими на суде. Обстоятельства этого дела изложены в нижеследующем жандармском документе.

«Секретно». Начальнику жандармского управления гор. Одессы № 339, марта 7 дня 1912 г. По встретившейся надобности покорнейше прошу в. пр-во уведомить меня какие данные были добыты производившимся при вверенном вам управлении дознанием, указывающим на принадлежность к группе анархистов коммунистов бывшего священника села Кулишева, Бердического уезда Петра Павловича Шидловского и не было-ли в дознании добыто каких-либо указаний на организационные связи его с кем-либо из лиц, проживающих в районе Киевской губ. Полковник Шредель».

На этот запрос нач. Одесского жанд. упр. от 15 марта 1912 года отвечает: «При сем препровождаю копии постановления от 28 ноября и от 30 декабря 1910 г. отдельного корпуса жандармов ротмистра Ахвледиани, заключающие в себе данные, послужившие основанием для привлечения... Шидловского и др. лиц, к производившемуся при вверенном мне управлении дознанию по делу о группе анархистов-синдикалистов, по обвинению по 1-й части 102 ст. уг. ул.

Привожу здесь копию постановления: «Постановление, № 19. 1910 г. ноября 15 дня в гор. Одессе я, отдельного корпуса жандармов ротмистр Ахведиян, рассмотрев настоящее дознание, нашел, что по обыску 10 с. ноября у крестьянок... сестер Анастасии и Феклы Присяжнюк, оказалось обнаруженным у первой: 1) в деревянном ящике ядовитые вещества в нижеследующих закупоренных сосудах: а) в пробирке с надписью — цианистый калий, сильный яд 30 доз; б) в пузырке с надписями «цианистый калий сильный яд 30 доз»: «надо крепко закупоривать, заливать воском пробку, и сохранять в сухом месте»; в) тоже в пузырьке с надписями «сулема 30 доз. держать в темном месте»; и г) в картонной коробочче с надписью «морфий 5 доз, каждая по 6 д-гр.». 2) Ключ к условленной переписке, т. е. шифр из букв русского алфавита и зашифрованная заметка, дешифровка которой означенных ключем дала текст: для динамита нужно азотной 10 гр. г серной 30 фунтов». 3) На четырех четвертушках графленной бумаги рукописная выписка из Программы синдикального анархизма Новомирского, содержащая в себе между прочим следующее: «Ни бог, ни царь и ни народ не имеют права ни карать, ни миловать, я презираю всякую власть, исходит ли она от бога, от царя, от парламента, от народа, или от товарищей. Долой собственность, государство и церковь». 4) Тоже на 4 четвертушках бумаги рукописные революционные песни в стихах, из коих одна озаглавлена «Черное знамя», и 5) Письмо с датой 1е октября 1910 г. на имя Насти, в котором помещены: во-первых — шифр для секретной переписки, состоящий из других условных знаков, чем указанный выше ключ к переписке, а во-вторых — правила как пользоваться этим шифром, и у второй (Феклы Присяжнюк) 1) Письмо на имя Фенички писанное Анастасией Присяжнюк, в котором содержится суждение о значении террора и проводится мысль о том, что террор, направленный против отдельных лиц, стоящих во главе администрации, не имеет значения, так как последние всегда могут быть замещены другими, и что более целе-

сообразным нужно признать только массовый террор, направленный против розыскных органов, который один может вызвать дезорганизацию этих органов и приостановить их деятельность на более или менее продолжительное время. 2) Кусок бумаги и записанное на нем преступное стихотворение, озаглавленное «Крестьянская марсельеза», собственного сочинения и 3) Карманная записная книжка, в которой помещен список революционных деятелей и государственных преступников; принимая во внимание, что совокупность приведенных данных, с достаточной полностью устанавливает факт участия Анастасии и Феклы Присяжнюк в сообществе группы анархистов синдикалистов, составленной для насильственного посягательства на изменение в Росси установленного законамя образа правления, причем в целях этого сообщества первая из них — хранила ядовитые вещества, ключ к условной переписке, зашифрованный рецепт для изготовления динамита, и рукопись преступного содержания. А вторая — преступную рукопись и обе сестры состояли между собою в конспиративной переписке, т. е. факт совершения ими преступления предусмотренного 1-й частью 102 ст. уголов. улож., по соглашению с тов. прокурора одесского окружного суда, постановил: названных Анастасию и Феклу Присяжнюк привлечь к настоящему дознанию в качестве обвиняемых по указанной статье уголовного ул.».

Следующее «Постановление № 20» от 1910 г. Декабря 2-го дня, гласит: «Я Отдельного корпуса жанд. ротмистр Ахвледияни, рассмотрев настоящее дознание нашел: 1) что обыском у обвиняемой по сему делу Анастасии Присяжнюк был обнаружен конверт с адресом: «местечно Погребище, село Кулишево священнику отцу Петру Шидловскому, у каковогo священника названная Анастасия Присяжнюк, по словам ее сестры Фоклы, служила в качестве прислуги; что в отобранной по обыску у обвиняемой Анастасии Присяжнюк и означенной в постановлении моем от 25 марта минувшего ноября рукописи, а именно: а) письмо с датой 1 октября 1910 г. на имя Насти (т. е. Анастасии), в котором автор, священник, намеревается развить умственно Настю, чтобы приготовить ее для «живой работы в народе» и в связи с помещенными в письме фразами: «не имею минуты свободной, был занят приготовлением посылки тебе, которую считаю важнее письма» и «ты не только не интересовалась моими политическими советами, которыми тебе впоследствии придется заинтересоваться» и «такими чертами (т. е. крестьяне) не могут служить оплотом будущего строя и нечего думать чтобы подобные люди могли составить будущее общество». Дальше он высказывает свое разочарование в «бедном темном крестьянине», ради коего он только и одел рясу, надеясь что последняя облегчит ему вести культурно-просветительную деятельность в народе в целях создания из крестьян оплота для будущего строя; б) выписка из программы синдикального анархизма Новомирского и в) революционная песня в стихах на двух четвертушках бумаги, а также письмо от 21 октября 1910 года за подписью: «П.», писанное по заключению экспертизы почерком священника Петра Шидловского и 3) что той же экспертизой в надписях на ядовитых веществах переименованных постановлением от 21 ноября 1910 г. установлен несомненно почерк священника Шидловского. Имея ввиду, что изложенные данные не могут быть истолкованы иначе, как вполне определенные, изобличающие священника Шидловского в соучастии в сообществе группы анархистов-синдикалистов, поставившим себе целью: насильственное посягательство на изменение установленного законами образа правления в России, причем в целях этого сообщества он, Шидловский, вел с обвиняемой Анастасией Присяжнюк конспиративную переписку, писал преступные рукописи и прислал ей шифр и ядовитые вещества, т. е. совершение преступления, предусмотренного по 1-й части 102 ст. угол. улож. По соглашению с тов. прокурора Од. Окр. Суда постановили: названного священника Шидловского привлечь к настоящему дознанию в качестве обвиняемого по означенной статье уголовного уложения и меры пресечения избрать взятие под стражу, послав для этой цели телеграмму об аресте и препровождение его Шидловского в Одессу».

Вот образчик казенной переписки, из которой однако явствует влияние Матрены Присяжнюк не только в своей родной среде, но даже на людей, совершенно по психике чуждых революционной среде, как священник Шидловский. Чем закончилось это дело из этой переписки не видно, но нам известно, что дело это разбиралось Одесской судебной палатой в 1912 г. и священник Шидловский был приговорен к пожизненной ссылке в Сибирь.

Н. Р.

РАССВЕТОВЩИНА ПЕРЕД СУДОМ АНАРХИСТОВ И РАБОЧИХ

От редакции «Дело Труда».

Отдельные товарищи и организации запрашивают нас, следует ли отвечать на тот поток грязи и клеветы, который безостановочно льется со страниц «Рассвета» на организацию «Дело Труда» и в частности на т-ща Аршинова. Мы думаем, что нет. Газета «Рассвет» представляет собою такое нагромождение лжи и клеветы, что за каждой пущенной этой газетой клеветой не угоняешься. В ряде статей, написанных многими товарищами и организациями, рассветовцам были брошены тягчайшие обвинения. Обвинения эти формулированы в статье т-ща Аршинова — «*Рассветовщина перед судом анархистов*

и рабочих». «Д. Тр.» № 44-45, — и сейчас мы на них останавливаться не будем. Ни на одно из пред'явленных им криминальных и политических обвинений рассветовцы не ответили.

Ругая брошюру, т. С. Володькина и понося за нее автора и т. Аршинова, они ни одним словом не обмолвились о самом главном — о том черносотенно-монархическом материале, который рассветовцы печатали, который приведен в брошюре и за который они были потребованы к публичному ответу.

Факт похищения ими наборных машин, принадлежавших анархическим организациям единственным преемником коих является ныне существующая Федерация Ан.-Ком. Групп С. Шт. и Канады, они пытаются оправдать постановлением пайщиков. Но всем известно, что это ложь, что конференция организаций, приобревших эти машины, постановила (13 февр. 1927 г.) одну из двух наборных машин сохранить за Анархо-Ком. Федерацией и что только благодаря нарушению этого постановления и благодаря воровству, рассветовцы овладели обеими машинами.

Духовная и фактическая связь их с бело-эмигрантскими организациями С. Америки ясна, как день. Но боясь потерять рабочие организации, питающие их своими тяжело заработанными грошами, они всеми силами стремятся сосредоточить их внимание на другом. Они печатают чудовищные клеветы на товарищей, разоблачающих рассветовщину, вопиют о едином общеанархическом фронте против «Дела Труда», против отдельных работников последнего.

(В последнем пункте рассветовцы несомненно черпают поддержку из аргентинского «Голоса Труда», в частности из выступления Волина, Стаймер, Флешина, Евы Шварц и Г. Соболя, чья клеветническая статья по адресу «Дело Труда» («Голос Труда», от 1-го ноября 1928 г.) окрылила рассветовцев и дала последним прямой повод говорить об общеанархическом фронте против «Д. Тр.». Этот молчаливый, но выразительный блок ненависти и клеветы в отношении «Дела Труда» должен быть зафиксирован, дабы при разборе исторической тяжбы организованного анархизма с анархо-хаосом лица одной и другой из борющихся сторон были ясны).

Всем этим туманом рассветовцы хотели бы прикрыть вскрытые их преступления перед анархизмом, перед рабочих классом. Стало совершенно ясно, что анархисты имеют перед собою группу лиц, живущих лишь обманом и клеветой. Нет никакого смысла отвечать на отдельные их клеветнические писания. Ложь их очевидна каждому сознательному рабочему.

Редакция «Дела Труда» решила в дальнейшем печатать не ответы на ту или иную клевету рассветовцев, а документы — коллективные или индивидуальные — освещающие явление рассветовщины *в целом*, вскрывающие подлинный смысл ее поступков, ее целей и намерений. В этом отношении огромное значение представляет коллективное мнение наших товарищей, находящихся в СССР. Ниже мы печатаем первый коллективный протест и коллективный призыв наших Российских товарищей против рассветовщины. Рассветовцы утверждали, что Российские т-щи плохо судят о них на основании, де, ложных слухов. Из печатаемого ниже коллективного обращения т-щей из СССР всякий убедится, что российские т-щи выносят рассветовщине беспощадный смертный приговор на основании печатаемых документов самих же рассветовцев. В следующих №№ «Д. Тр.» будут напечатаны дальнейшие документы, как российских, так и северо-американских товарищей. И они, эти документы, мы надеемся, положат конец отвратительной игре контр-революционеров в анархизм.

Ред. «Дело Труда».

ОБРАЩЕНИЕ
К РУССКИМ РАБОЧИМ-АНАРХИСТАМ С.-ШТАТОВ И КАНАДЫ

Товарищи!

Своеобразные условия, в которых находятся русские анархисты — отсутствие собственной печати, клубов, легальных организаций, невозможность свободного общения, с заграничными товарищами и получения их изданий — были причиной того, что до последнего времени мы не имели почти никакого представления о северо-американских журналах, именуемых «Рассвет» и «Пробуждение». Правда, в кругах карелинцев, прилагавших все усилия завербовать сотрудников в «Рассвет», последний рекламировался как подлинно анархический орган, с выдержанной физиономией, с широкими материальными возможностями. Тем не менее отдельные номера «Рассвета» демонстрировавшиеся в Москва Алексеем и Агнией Солоновичами, вызвали невольно брезгливое недоумение — неясностью принципиальных установок, отсутствием редакторской руки, внешней неряшливостью. И вербовка сотрудников успеха не имела.

Только сейчас, в связи с заострением полемики о направлении американских квази-анархических изданий, нами были получены не только ряд писем от непосредственных участников анархического движения заграницей, дающих исчерпывающую характеристику обоих изданий, но и обширные вырезки из них, превосходно документирующие их направление. И на основании самого беглого ознакомления с этими документами можно утверждать одно, что за все время существования анархического движения не было явления более жалкого и позорного, чем эти два безпомощных и невежественных издания, пытающиеся под маской анархизма протащить самое убогое, полуфашистское, полумонархическое, религиозное и даже церковное содержание.

Вот факты.

Весной 1925 г. «Великий Князь Николай Николаевич» опубликовал любопытнейшую политическую декларацию в форме «Заявление представителю американской прессы».

Декларация эта — шедевр умудренной опытом монархической политической мысли. Констатируя «приближение момента падения большевистского ига» Романов устанавливает прежде всего, как аксиому, что «мы (т. е. Романов и его верные) не должны предрешать за рус-

ский народ коренных вопросов его государственного устройства», что «новая эра должна начаться с умиротворения» с утверждения «мира законности порядка, долженствующих сменить господство произвола».

Однако, далее Романов счел нужным приоткрыть завесу над существом нового возвещаемого им «порядка». Это — «власть», это — «власть национальная, внеклассовая и непартийная», это — «твердая и сильная власть», это — власть, которая должна встать на охрану священных прав личной и гражданской свободы, собственности, правопорядка, это — «восстановление принципа собственности» и «вознаграждение тех, кто лишился своего достояния, перешедшего в руки крестьянства».

Такова монархическая программа, — ясная, откровенная, категорическая, для самого непроницательного человека не оставляющая места сомнениям, ни относительно ее происхождения, ни относительно ее дальнейших намерений.

Но на «анархическую» газету «Рассвет», на ее «анархического» редактора монархическая декларация произвела впечатление неотразимое. Появляется передовая «Голос Рассудка», в которой автор почти с трогательной наивностью и совершенной политической неграмотностью пытается выделить голос мудрого Николая Николаевича из сонма других монархических голосов». «В его словах — захлебывается он — слышен голос рассудка, голос здравой мысли». И передовик анархического «Рассвета» грозится по адресу других Романовых, что они «останутся смешными».

Этот документ, редчайший, единственный по своему убожеству, звучит как мистификация. Поистине чудовищен этот сочувственный коментарий к великокняжескому манифесту в газете, именующей себя «анархической»

Первое впечатление — уж не надули ли доверчивого редактора, подсунув обманом ему этот образчик прихлебательской лирики. Нет, автор передовицы не в одиночестве. Та же газетка впоследствии помещает об'явление о панихиде по Врангеле, статьи о «Союзе русских офицеров заграницей», статьи в защиту Троицкого собора в Чикаго.

Не слишком ли это много для одной газетки? Неуспехи русской монархии на западе заставляют другой орган «Пробуждение» пересмотреть его анархические позиции.

Передовица «Пробуждения» № 1 (1927 г.) призывает «к об'единению всех русских людей в Америке, за исключением монархистов и большевиков», открыто возражая против революции вообще и насильственных действий против буржуазии и помещиков в частности, наконец, попросту и без затей об'являет себя органом религиозным.

Не довольно ли? Вот два органа «анархических» поддерживаемых и вдохновляемых анархо-мистиками Америки, возглавляемыми Моравским, и анархо-мистиками Москвы, возглавляемыми Солоновичем.

Как возможны такие газеты, кого они обслуживают, какое отношение имеют к анархизму?

Печальная история «Рассвета» и «Пробуждения» начинается с факта насильственного захвата ими типографии, созданной многолетним трудом рабочих, факта прочно установленного Конференцией анархических групп С.-Штатов и Канады.

После этого победителями была немедлнено куплена в Чикаго газета. Она приобреталась на ходу, с абониментами и постоянными читателями. Перед победителями были два пути: путь анархический и путь коммерческий. Повидимому, без колебаний был избран второй и перед хозяевами встала задача — умелого приспособления к вкусам и настроениям своих потребителей. Последние никакого касательства к анархизму не имели. Типичные мелкие буржуа, далекие от революции, с немалым процентом церковных прихожан, они в лучшем случае могли подняться до идеалов буржуазной демократии, но не были исключены возможности отката и к открытому политическому черносотенству.

С какой чуткостью анархо-мистик Моравский и его покладливые сотрудники отразили настроение своей аудитории, мы видели выше. Сочувственное коментирование великокняжеской философии истории и приглашение на Врангелевские поминки достаточные образцы его черносотенной публицистики.

«Рассвет» по отзывам тех товарищей, которые имели возможность следить за всеми его превращениями, был газетой религиозно-мистической, националистической, антисемитской, полумонархической, наконец, демократической. Он никогда не был газетой рабочей, революционной, анархической. «Пробуждение» беззаботное по части политической, ушло всецело в вопросы беззубого культурничества.

И все же, несмотря на величайшую беспомощность, убожество мысли, материала, языка, анрхо-мистические газеты сыграли в нашем движении огромную отрицательную роль. Они внесли разложение в ряды анархистской молодежи и даже в федерацию русских групп анархистов С.-Штатов и Канады.

Первоначально анархо-мистики появились в России в годы реакции вслед за революцией 1905 г. Анархо-мистицизм был тогда отвлеченным религиозно-философским настроением, почти литературным течением. Впервые Карелин попытался привить мистическое миропонимание и мистическое настроение в рядах сомнительных, сумбурных революционеров, интеллигентско-экспериментаторского добывания социальных истин, разочарованных пытающихся потусторонним откровением пополнить недостаток социологического знания и подлинного мужества.

Его иезуитская работа дала пышные всходы. Усвоив ходячие положения анархизма, его лозунги, его фразеологию, его терминологию, Карелинские эпигоны пошли под анархической маской, глубоко пряча свою реакционную сущность, и вскрывая ее лишь в недрах своих сектантских организаций. Последние для революции, для анархизма таят грозную опасность, ибо в решающую историческую минуту они выступят с предательским ножем и будут пытаться утверждать новые формы социально-политического фетишизма.

Деятельность анархо-мистиков приняла международный характер. Анархо-мистики Москвы, предводимые Солоновичем, превосходно спелись с анархо-мистиками Аме-

рики, предводимыми Моравским. И там и здесь, — в Москве более искусно, в Америке грубее — шумихой анархических слов и чувств прикрыто фанатическо-религиозное содержание, враждебное социальной революции и анархизму.

Товарищи анархисты Америки и Канады! Никто из нас не смеет игнорировать этой язвы на анархическом теле. Систематической провокации мистиков должен быть положен конец. «Рассвет» и «Пробуждение» должны быть подвергнуты полному бойкоту со стороны всех анархистов, революционных пролетариев и крестьян!

Анархизм не знает пощады и он исторгнет из своих рядов все лживое двурушническое, иезуитское! Анархомистики наши враги, враги социальной революции и анархизма. И раз мы это осознали, мы должны уметь сделать из этого сокрушительные выводы!

От имени коллектива русских анархистов-коммунистов и анархо-синдикалистов:

В. Бармаш; — М. Кайданов; — В. Котляревский; — Н. Рогдаев; — А. Чимбарев; — Р. Чимбарева; — А. Елизаров; — В. Худолей; — А. Боровой; — К. Медынцев; — Софья Краснощекова; — А. Понкратьев; — Н. Северов; — Коган (Самарский); — С. Медведев («Сын народа»); — С. Джапаридзе.

Москва. 2-го апреля 1929 г.

P. S. Просьба и других товарищей и организаций присоединиться к нашему коллективному заявлению.

МОНРЕАЛЬ (Канада)

Союз наш не велик. 1925, 26, 27 и 28 годы мы стояли крепко и дружно и имели 25 активных членов. Работа у нас в направлении ан.-ком. шла, можно сказать, продуктивно. Имели свое арендованное помещение, где была вечерняя детская школа русской грамоты, в которую ходило до 40 душ. детей. Была также школа для взрослых английского языка; часто устраивали лекции, доклады и почти каждое воскресенье читали сообща книги научного содержания. Раза два в месяц устраивали семейные вечеринки, куда приходили родители наших учеников. Наше помещение всегда бывало битком набито, около 200 человек.

При союзе имеется библиотека. Книгами мы не богаты, но имеются книги хорошие, научные. Намеревались увеличить библиотеку, но некоторые обстоятельства помешали. Как говорится, в семье не без урода. Нашлись они и в нашей небольшой семье. Их отталкивающее поведение отрицательным и дезорганизующим образом сказалось на дальнейшей деятельности нашего Союза. Среди некоторых т-щей, а также рабочих, не входивших в Союз, но интересовавшихся его деятельностью, произошло разочарование. Дела наши пошли вниз, средства в кассе иссякли. Тут подошла безработица. Товарищи начали раз'езжаться в другие города в поисках работы.

Теперь мы уцелевшие 12 человек собираемся в частной квартире, обсуждаем свои дела, как укрепить пошатнувшиеся наши силы. Все мы рабочие малограмотные, но за свою анар.-ком. идею готовы умереть во всякую минуту, а иначе нельзя. Интеллигенты без пути от нас отошли, чему мы рады. Надеяться на них и кланяться им не хотим, ибо насильно колодец копать — воды не пить. Но можно сказать скверно, когда у нас нехватка в людях научно-подготовленных и в то же время преданных. Вот такие нам нужны до зарезу.

Сейчас мы занимаемся, главным образом, распространением литературы. Сильная нужда в лекторах. Но их нет. Масса требует лекций, докладов. Даже разочарованные большевики и те замечают, — чего, мол, спите, анар.-ком., хотя бы вы что нибудь устроили. Большевиками масса совершенно разочаровалась; совсем их слушать не хотят, хотя к ним и приезжают казенные докладчики, но их редкие митинги пусты всегда.

Эту зиму мы надеялись получить лектора из С. Шт., но опять остались без лектора. Почва для работы у нас очень богатая, но нет умелых работников.

Журнал «Дело Труда» является для нас единственной пищей, чем мы только живем и учимся. Он учит нас тому пути, который приведет к свободе и благу трудовое человечество.

Союз Российских Труженников г. Монреаля.

Секретарь **Д. Душин.**

О ЛЕКЦИЯХ В АКРОНЕ

Местной группой Кропоткинцев 16 и 17 февраля 1929 г. были устроены три лекции на следующие темы: «Происхождение человека», «Анархизм и организация» (Организационная Платформа и «Ответ» на нее»), «Анархическое движение в Америке».

Все три лекции читал тов. Л. Лазарев. Публики было не много на лекциях, но лекции прошли, можно сказать, успешно во всех отношениях. Присутствующие слушали лектора с напряженным внимание, а лектор подробно раз'яснял слушателям смысл разбираемых им вопросов. Лектор говорил очень разборчиво, поясняя иностранные слова простым языком.

К особому вниманию привлекла слушателей лекция, на тему: «Анархизм и Организация». Лекция продолжалась около 2-х часов времени. Из доклада лектора можно прийти к следующему: Платформа не так страшна, как рисуют ее противники, а наоборот, что только организация и ответственная инициатива может двинуть дело вперед.

После каждой лекции уделялось время для вопросов и возражений. Последних не было; вопросы были и лектор отвечал практично. Все присутствующие остались лекциями довольны за исключением нескольких большевиков.

Из разговора инициаторов по устройству лекций мне удалось узнать, что Акронская группа малочисленна, всего из нескольких человек; но побывав на лекциях, я увидел групповую работу, а потому могу сказать, что группа ведет хорошую идейную работу, как устройство лекций, распространение новейшей анархистской литературы и журналов.

Лично скажу, что группа заслуживает внимания, поэтому рекомендую Акронской колонии поддерживать группу материально и вести совместно с группой работу на ниве просвещения.

О лекторе скажу следующее: тов. Л. Лазарев мастер

своего дела, и в будущем, если будет возможность, то постараться всем организациям пригласить Лазарева для чтения лекций. Побольше таких лекций!

Акрон, О. *Присутствовавший.*

ПРОТИВ ТЕРРОРА В БОЛГАРИИ

20 апреля 1929 г. в Тулузе, в зале старого «Факюльтэ дэ леттр» состоялся митинг, организованный Комитетом Защиты жертв белого террора в Болгарии. Оратор Дофин Менне обрисовал трагическое положение политических заключенных в Болгарии. Митинг единогласно принял следующую резолюцию:

— Рабочие Тулузы, собравшиеся на призыв Комитета Защиты жертв белого террора в Болгарии, посылают братский привет рабочим, крестьянам и трудовым интеллигентам Болгарии, заключенным в тюрьмы нынешним правительством. Требуют от правительства прекращения пыток и более или менее замаскированных убийств пленников.

Требуют свободы сборов средств помощи и их свободного распределения между заключенными; аннулирования закона о защите государства *), свободы слова, печати и собрания для всех болгарских граждан.

Требуют аннулирования смертных приговоров, права свободной репатриации всех политических эмигрантов и полную амнистию.

Тулуза, 21 апреля 1929. *Комитет.*

*) Закон о защите государства направлен против освободительных тенденций рабочего класса.

КОМИТЕТ ПОМОЩИ ТОВ. Н. МАХНО

В Париже по инициативе французских товарищей образовался Комитет помощи тов. Нестору Махно. В него вошли видные представители французского анархического движения, как Барбе, Буше, Лили Феррер, Лекуан, Оссар и другие. Комитет обратился с призывом к товарищам во всех странах помочь нашему больному товарищу. В воззвании говорится, что «бурная жизнь Нестора Махно останется в истории освобождения народов прекрасным примером смелости и революционного самоотречения», приводится краткая биография Н. М. и кончается призывом к организациям и отдельным товарищам проявить солидарность в деле помощи, солидарность, являющуюся основой нашего движения. С нашей стороны мы приветствуем инициативу французских товарищей и призываем наших товарищей по мере возможности откликнуться на этот призыв. Адрес Комитета, куда следует отправлять корреспонденцию и деньги следующий:

Mr Couderc, 101, rue de Charonne, Paris
(Chèque postal. Couderc 521-48 Paris)

ЖЕРТВА КАПИТАЛИЗМА

18-го марта сего года в гор. Лос-Анжелосе тов. Ив. Ковтун упал с 6-го этажа, моя окна. Здание не имело никаких новейших приспособлений для предохранения от несчастного случая.

Еще одна жертва в наших рядах хищности капиталистов, стремящихся с'экономить побольше денег при постройке здания.

ОБ'ЯВЛЕНИЕ

В Париже вышла из печати и поступила в продажу первая книга на русском языке записок Н. Махно под заглавием — «*Русская Революция на Украине*» — от марта месяца 1917 г. по апрель 1918 год).

Книга в двух частях и содержит в себе 216 стр.

Цена книги 1 доллар. Организациям и книжным магазинам скидка 40 проц. Обращаться за книгой по адресу:

Mr Franssen, (pour N. M.) **9, rue de l'Eperon, Paris**

ОТЧЕТ ЗАГРАНИЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ «ДЕЛО ТРУДА» ОТ 15 МАРТА ПО 10 МАЯ 1929 г.

Приход:

Остаток на 15 марта 1929 г. — 1 англ. ф. 10 шил. 13 дол. 85 с.; от Нью-Иоркской группы (20 дол) — 500 фр.; из Балтиморы через т. Серодоенкова (14 дол.) — 350 фр.; от Кливелендской группы (24,90 дол.) — 622 фр. 50 с.; от тов. Лазарева (Рочестер) (3 дол.) — 75 фр.; от Детройтской группы «Самообразование» (5 дол.) — 125 фр.: от тов. Женчева — 30 фр.; от Общ. Помощи Заключ. за «Д. Тр.» (5 дол.) — 125 фр. от т. Хаджиева — 15 фр.; по подписному листу через т. Жоржа — 72 фр.; Через т. Жоржа за «Д. Тр.» — 10 фр.; от Нью-Иоркской группы (20 дол.) — 500 фр.; от тов. Поллака — 2 дол.; от Чикагской группы через т. Волкова (18 дол.) — 450 фр.; от Детройтской орг. «Самообразование» — 13 дол.

Итого — 1 англ. ф. 10 шил. 28 дол. и 2875,35 фр.

Расход:

Подписка на «Правду» апр.-май — 78 фр.; экспедиция № 46-47 — 257 фр. 50 с.; дорожные расходы — 92 фр. 50 с.; в типографию за № 44-45 (остаток) — 1240 фр.; в типографию в счет № 46-47 28 долл., 1000 фр.; корреспонденция — 80 фр. перевозка литературы — 11 фр.

Итого — 2759 фр. 28 дол.

Остаток на 10 мая 1929 г. — 1 англ. ф. 10 ш. 116 фр. 35 с.

Примѣчание: не доплачено в типографию за № 46-47 «Дело Труда» — 64 фр. 50 с.

ОТЧЕТ ОРГАНИЗАЦИИ «ДЕЛО ТРУДА» В СРЕДСТВАХ ПОСТУПАЮЩИХ ДЛЯ ПОМОЩИ ЗАКЛЮЧЕННЫМ ОТ 12 ФЕВРАЛЯ ПО 10 МАЯ 1929 г.

Приход:

Остаток на 12. февр. 1929 г. — 35 д. 275,75 фр. 9 зл.; от Общ. полит. заключ. в С.-Луи (50 дол.) — 1250 фр.

Итого — 35 дол. 1525,75 фр. 9 зл.

Расход:

Послано товарищам заключенным и ссыльным в СССР (140 руб.) — 1859,75 фр.; дорожные расходы — 2,80 фр.

Итого — 1862,55 фр.

Остаток — 538,20 фр. 9 зл.

Статья «Трубадур мистического анархизма» (А. А. Солонович) будет напечатана в июльском (50-м) № «Дела Труда».

Gérant: L. LORÉAL Imp. L. Beresniak, 12, rue Lagrange, Paris